

Умная
УМАРЬКОВ

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

Перевод Э. Амига

Близится утро. Небо начинает светлеть. Тротуары в эту пору безлюдны. А вымытый ночью поливалками асфальт блестит, переливаясь, будто проезжую часть улицы выстлали черным бархатом. В мокром асфальте отражаются гирлянды огней, пунктирной линией убегающие вдаль.

Мунира вывела трамвай из ворот парка и, хлестнув тишину пронзительным звонком, тем самым как бы оповещая сонных горожан, что движение городского транспорта началось, подкатила к первой остановке. В вагон вошел пассажир. Мунира узнала его. Она встречала его всякий раз, когда работала в первую смену. Это был мужчина средних лет, в форме железнодорожника. В руках у него всегда была одна и та же большая черная сумка.

— Салам алейкум, амаки! На работу? — приветствовала его Мунира как старого знакомого.

— Здравствуй, дочка, — ответил пассажир. — Припоздала немного? Сколько на твоих?

Мунира взглянула на часы:

— Нет, амаки, вовремя иду. Всего лишь десять минут шестого.

— Ну, хорошо, если так. А я было начал беспокоиться. Сегодня тепловоз сдаем после ремонта. Помучились мы с ним.

Слушая пассажира, Мунира вкладывала рулон билетов в автоматическую кассу. Случайно взглянула в окно и вздрогнула. В зарослях шиповника, разросшегося у самого тротуара, она увидела женщину. Квадрат света, падающий из окна вагона, высветил из темноты край белого платья и белые дамские туфли, торчащие носками вверх.

— Ой, амаки, взгляните сюда! — крикнула Мунира.

— Что случилось?

Мужчина подошел к Мунире.

— Вон там, среди кустов...

Они вышли из вагона. Колючие ветви шиповника сверху густо переплелись, будто кто-то специально соору-

дил здесь шалаш. Железнодорожник осторожно раздвинул ветви.

— Фонарь у тебя есть? — спросил он.

И по тому, как прозвучал его голос, Мунира поняла — случилось недоброе. Она бросилась в вагон и через мгновение вынесла карманный фонарь.

— Посвети сюда.

Мунира направила луч на лицо женщины.

— Сдается мне, что ее убили, — проговорил железнодорожник.

— Ой, что вы, не может быть! — пролепетала Мунира. — Что же делать?

— Беги в парк, вызови «скорую помощь».

— Я... я... — Она не могла выговорить ни слова, ее трясло как в лихорадке.

— Беги! Беги!

2

Говорят же, муж и жена помирятся быстрее, чем кисейный платок высохнет. Говорят. А вот Рахим Саидов так не считает. Всякую ссору в семье он склонен сравнивать с короедом, подтачивающим дерево. Каким бы ни было дерево крепким, крошечный червь в конце концов свалит его или иссушит. Так и семья. Незаметно, от ссоры к ссоре, обиды вытесняют из сердец любовь.

Рахим Саидов старался, чтобы ссор в доме не было, но они случались все чаще и чаще. Говорят, нельзя луну прикрыть решетом. Их шумные пререкания с женой становились достоянием чуть ли не всего многоквартирного дома. В конце концов слухи достигли и его работы. И хотя хорошо знающие Саидова люди сочувствовали ему, легче от этого не становилось.

Стараясь с головой уйти в работу, он вскоре забывал о причинах, вызвавших скандал. Спустя день или два Рахим, не задумываясь над тем, кто из них прав, кто виноват, просил у жены прощения. Мунис оттаивала, и начинались обоюдные заверения и клятвы. В доме опять воцарялись мир и согласие. Вновь собирались у Саидовых друзья, и веселый смех и шумные разговоры доносились из открытых окон их квартиры. Соседки, что сидят по вечерам у подъезда на лавочках, многозначительно переглядывались. Одни осуждали Саидовых, другие сочувствовали им.

— Эх, послал бы бог Мунисхон ребенка, и успокоились бы они, — говорила какая-нибудь сердобольная женщина,

и все охотно принимались рассуждать о том, какое значение имеет ребенок для укрепления семьи.

Невдомек было соседям, что Мунисхон сама не желает иметь ребенка. Не знали они и того, что Рахим смирился с этим.

Когда между ними вырастала стена отчуждения, Рахим не находил себе места. В глубине души он понимал, что бесконечно так продолжаться не может. Настанет день, когда надо будет предпринять решительный шаг. Но при одной только мысли об этом мужество оставляло его. И не только потому, что предстоял мучительный разговор с женой, — просто он все еще любил эту женщину. Потому что не слишком прельщала его перспектива стать снова свободным. Не раз, стараясь помочь, вмешивались в его семейные дела родственники, но Саидов вежливо давал им понять, что при надобности решит все сам. И родственники махнули на него рукой.

...Впервые он встретил ее на горном перевале дороги Коканд — Ахангаран. Девушка стояла возле сделанной из ганча скульптуры льва. Лев был весь забрызган грязью, вылетавшей из-под колес проносившихся мимо машин. Тем более поразительной казалась на его фоне стройная, хрупкая девушка в ярком платье. Сердце Рахима вдруг наполнилось непонятной радостью. Нет, он не помышлял о знакомстве с нею. Стало радостно и хорошо на душе оттого, что есть на свете такая девушка.

Саидов возвращался из Алтыарыка, где находился опытный участок их института. Рано утром позвонил директор и просил немедленно выехать в Ташкент.

Председатель колхоза благожелательно относился к сотрудникам института, ибо его хозяйство ожидало немалую прибыль от проводимых здесь экспериментов. Узнав о срочном вызове, он, не колеблясь, предложил Рахиму свою «Волгу».

Как только миновали Коканд, шофер, помня наставления председателя, прибавил газу. До самого поселка Чадак мчались со скоростью сто — сто десять километров. Рахим, расположившийся на заднем сиденье, с тревогой поглядывал на спидометр. У него захватывало дух всякий раз, когда машина взлетала на подъем и его плотно прижимало к сиденью. А через мгновение, казалось, они стремительно падают в пустоту — дорога круто уходила вниз.

— Сулейман-ака вас ждет, наверное, только к вечеру. Удивим его сейчас, подкатив к самому институту, — посмеиваясь, сказал шофер. — Сам-то директор обычно ездит

медленно. Несколько раз приходилось его в Ташкент отвозить, так, веришь, весь правый бок после таких поездок в синяках бывает. Стоит нажать на газ, он тут же в бок толкает: потише. — И шофер расхохотался.

Директор института — известный ученый. Сулейман-ака часто разъезжает по колхозам, того же требует и от подчиненных. «Дехкане должны знать, над чем институт работает. Иначе не станут обращаться к нам за помощью, и окажется, что мы им попросту не нужны», — говорил он в тех случаях, когда видел, что тот или иной сотрудник неохотно отправляется в дальний кишлак.

А кишлаки, где при его непосредственном участии создавались опытные участки, были разбросаны по всей республике — институт вел наблюдения за тем, как приживаются новые сорта хлопчатника в различных по климату и по характеру земель районах. Сектор, в котором работал Рахим Саидов, проводил опыты главным образом в Ташкентской и Ферганской областях. За последние два года здесь в отдельных колхозах неожиданно снизилась урожайность, вновь вырос процент заболеваемости хлопчатника вилтом. Что является возбудителем этой проклятой болезни, как избавиться от нее растения? Над этим уже многие годы бьются хлопкоробы и ученые-селекционеры. И в этот раз Саидов ездил в Алтыарык все по той же причине — опять некоторые поля подверглись нападению вилта. Кроме того, Саидову хотелось проследить за развитием нового сорта хлопчатника, высеянного нынешней весной. Кусты уже начали цвести. И как раз в этот ответственный момент его вызвал директор. Сколько ни гадал Саидов, не мог понять причины. Директор сказал: «Срочно выезжайте!» — и ни слова больше.

Машина стала подниматься к перевалу. Горячий душный воздух, влетающий в кабину, сменился холодным. Едва проехали Ак-Тепе, начал накрапывать дождь. К счастью, он вскоре прекратился.

— Хорошо, что дождь перестал, — заметил умолкший было шофер. — А то бы на спуске пришлось помучиться...

Частенько ездил Рахим по этой дороге и всякий раз с удивлением и восхищением глядел на панораму, открывающуюся взору. Серпантин дороги то вьется по склонам, огибающим величественные скалы, то вдруг, точно в игольное ушко, протискивается сквозь ущелье. Сейчас по левую сторону от машины возвышались горы. На самых высоких вершинах лежит снег. А бросишь взгляд направо, замирает сердце — в двух метрах от дороги разверзлась

пропасть, затопленная синью. Дорога огибает гору, и за каждым поворотом новая картина. Вершины горбятся то слева от тебя, то справа. И в сердце порой закрадывается сомнение: да появится ли он когда-нибудь, этот долгожданный перевал? Но вот дорога круто идет вверх. Мотор ревет от напряжения. Машина не останавливается. Она, как сказочный крылатый конь Дуль-дуль, устремляется вперед и каким-то чудом выносит тебя к перевалу. Кажется, будто ты на вершине мира, и все — города и сами горы — у твоих ног. Дышится удивительно легко. И вдруг сердце замирает — машина, точно птица, летит вниз...

На этой-то дороге и встретил Рахим Саидов свое счастье. Так, по крайней мере, он долгое время считал.

У чайханы, расположенной на последнем перевале, шофер резко свернул к обочине и остановил машину. Здесь его, видимо, знали — помощник чайханщика тут же вынес им в глубокой пиале остуженный желтый, как янтарь, кокчай. Шофер пил медленно, наслаждаясь горьковатым напитком. Затем протянул пиалу Рахиму. Утолив жажду, они отправились дальше. На этом перевале дорога километра два тянется по ровной местности. Перед поворотом на большом постаменте стоит скульптура льва. На дощечке, прибитой к постаменту, значится цифра 2342 — высота над уровнем моря.

На этом месте и увидел Рахим Саидов Мунискохон.

Девушка стояла на ступеньке постамента. Дул ветер, и платье на ней трепетало, облекая стройную фигуру. Чуть поодаль, у края дороги, стоял «Москвич» с открытым капотом.

Увидев приближающуюся «Волгу», девушка замахала рукой.

— Видно, у них вода закипела, — предположил шофер и резко затормозил. — Что случилось? — спросил он, высовываясь из кабины.

— Больше часа стоит, — сказала девушка, кивнув в сторону «Москвича». — Не подвезете ли меня?

По ее произношению Рахим Саидов безошибочно определил, что она из Коканда. Еще в студенческую пору ему очень нравилось, как говорят кокандские девушки — они очень мягко произносили окончания слов.

Шофер, не спрашивая согласия Саидова, отворил дверцу:

— Прошу!

В это время к ним подошел парень в белой нейлоновой рубашке, перепачканной машинным маслом.

- Салам алейкум, — смущенно поздоровался он.
- Что у тебя случилось? — поинтересовался шофер.
- Бог его знает. Не тянет... Может, взглянете? Уже

час канителюсь...

Шофер вышел из машины, и они вдвоем направились к «Москвичу».

Рахим почему-то ощутил неловкость — рядом стояла девушка, а он не знал, что делать. Наконец, сообразив, открыл заднюю дверцу и невнятно произнес:

— Садитесь.

— Я сейчас! — улыбнулась девушка и побежала вслед за парнем. Рахим невольно проводил ее взглядом. Да, она была очаровательна. Платье, сшитое по-европейски, в талию, очень шло ей, подчеркивало стройность фигуры. Тяжелая черная коса была закручена в узел на затылке.

Через несколько минут шофер возвратился:

— Прокладку пробило.

— А запасной у него нет? — спросил Рахим.

— Что ты, братец! Яйцо сказочной птицы Анко легче достать, чем прокладку, — покачал головой шофер. — К тому же от «Волги» им все равно бы не подошла. Раздобудут в Пункане. Дал ему адрес.

Саидов слушал шофера вполуха. Он не в силах был отвести взгляд от девушки. Она в это время, открыв дверцу «Москвича», наклонилась, чтобы взять какие-то вещи. Потом выпрямилась, что-то резкое сказала виновато потупившемуся парню и торопливо направилась к «Волге».

— Разрешите?

— Милости просим! — Рахим подвинулся, предлагая место рядом с собой.

— У меня неотложное дело, опаздываю, — извиняющимся тоном проговорила девушка, усаживаясь на заднем сиденье.

— А спутника, значит, оставляете на произвол судьбы? — не без иронии спросил шофер, берясь за баранку. Ему, кажется, не по душе пришлось то, что она расположилась не рядом с ним. — Нельзя так разбрасываться кавалерами.

— Ой, с чего вы взяли! — всплеснула руками девушка. — Это же мой двоюродный брат! Дядя поручил ему отвезти меня в Ташкент. И такая неудача...

— А я думал... Извините, — пробормотал шофер. — Ну что ж, поехали?

— Поехали, — кивнул Рахим.

Машина резко тронулась с места.

— Учитесь в Ташкенте? — спросил Саидов.

— Да. В институте иностранных языков. Закончила четвертый курс.

— О, превосходно, — сказал Рахим, хотя и сам не знал, почему это так уж превосходно. — Значит, скоро закончите?

Девушка кивнула и засмеялась. Смех у нее был звонкий, приятный.

— А потом? Какие планы?

Ее узкие бархатные брови вопросительно поднялись:

— Что вы имеете в виду?

— Чем собираетесь заняться после окончания института?

Она пожала плечами.

— Еще не знаю. Все будет зависеть от распределения.

— Я тоже когда-то мечтал поступить в «иностран- ный»... На английское отделение.

— А сейчас вы кто? — спросила девушка, бросив на него любопытный взгляд из-под пушистых ресниц.

— Химик, биохимик...

— Хорошая специальность... А мне в школе хотелось стать историком. Обожаю историю. Провалилась на вступительном.

— Вам повезло.

— Почему же? — удивилась девушка, и вновь ее брови взметнулись вверх.

— Люблю людей, знающих языки. Послушайте, а я все еще не знаю, как вас зовут, — неожиданно сказал Рахим, набравшись наконец смелости.

Девушка внимательно посмотрела на него:

— Мунис.

Он назвал себя. И подумал о том, как славно находиться в обществе такой милой и непосредственной девушки. Ему казалось, будто знаком с нею давным-давно. На минуту Рахим вообразил себя в кругу семьи и улыбнулся своим мыслям. Да, о такой жене можно только мечтать. Красива, скромна и, кажется, умница. Хотя трудно понять, чего больше во взгляде ее прекрасных глаз — ума или лукавства.

Мунисхон, прижав виском к стеклу, задумчиво смотрела вдаль.

— Устали? — спросил Рахим.

— Немного. Долго пробыла на солнце, что-то голова разболелась.

— Вздремните. До Ташкента далеко.

— Еще полтора часа, — подал голос шофер.

— Спасибо. — Девушка откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза.

Чтобы она могла расположиться удобнее, Рахим отодвинулся к самому краю.

Выехав на гладкую дорогу Алмалык — Ташкент, машина вновь стремительно понеслась. Рахим был переполнен странным и радостным чувством — его волновало присутствие этой девушки. Прекрасная природа и терпкий запах трав, смешанный с едва уловимым ароматом духов, одурманили его — он находился во власти грез. Машину тряхнуло — голова Мунистон упала на его плечо. Рахим замер. Он боялся неосторожным движением помешать ее сну.

Рахим так и не шелохнулся до самого Ташкента.

Но вот они прибыли — сейчас девушка простится и уйдет. И быть может, навсегда! От этой мысли ему стало не по себе. Надо что-то придумать... А что, если пригласить Мунистон в кино или театр?

Машина остановилась. Они находились в центре города — около курантов.

— Где вам удобнее выйти? — спросил шофер, обернувшись к Мунистон.

Девушка слегка вздрогнула и выпрямилась.

— Ой, уже приехали? — сказала она и потерла кулачками глаза. — А я задремала. — Мунистон смущенно улыбнулась.

— Вот и хорошо, немного отдохнули, — сказал Рахим. — Вам в какую сторону?

— На Ак-Тепе, в общежитие...

— О, это совсем в другом конце города, — перебил ее шофер. — А нам нужно в Академгородок!

Рахима покорила бестактность шофера, но что он мог сделать?

— Извините, что не можем подбросить до самого места.

— Ну что вы! Я и так у вас в долгу.

— А где на Ак-Тепе общежитие?

— Рядом с аптекой.

Они обменялись рукопожатием, и Мунистон вышла. Шофер рванул машину с места.

— Легкомысленная, видать, девица! — покачал он головой.

— Почему вы так решили? — обиделся Саидов.

— Бросила в беде брата... раз. Всю дорогу спала на груди у незнакомого мужчины... два.

Рахиму хотелось в ответ сказать что-нибудь резкое, отчитать, наконец, за непочтительный отзыв о девушке, но по виду шофера он понял, что того не переубедишь, и решил промолчать. Да так ли уж и важно, что подумал о ней шофер. Главное — его собственное впечатление.

Въехав во двор института, они увидели Сулеймана-ака, собравшегося уже идти домой. Директор всплеснул руками:

— Уже! Прибыли! Ну, Рахимджан, поздравляю! Прислали ваш кандидатский диплом!

Рахим был ошеломлен подобным известием, чего, видно, и ожидал Сулейман-ака. Обычно по году и больше ждут молодые кандидаты своих дипломов, а вот его поступил спустя всего лишь три месяца после защиты.

Насладившись произведенным эффектом, директор пожал своему ученику руку.

— Очень уж быстро, — только и нашелся что сказать Саидов.

— А по мне, так для стоящей работы и трех месяцев многовато. Исследование ваше оценено высоко. Я вызвал вас, чтобы лично поздравить да еще и суюнчи за радостную весть получить, — засмеялся директор. — Кроме того, есть к вам еще одно важное дело. Но об этом завтра. Не возражаете?

— Конечно, — согласился Рахим, пожимая руку Сулеймана-ака.

— Значит, на том и порешим.

И директор уехал.

Подумать только! В один день два счастливых события! Рахиму немедленно захотелось поделиться с кем-нибудь своей радостью.

— Садриддин! — крикнул он привезшему его шоферу. — Какие у вас планы на сегодня?

— Как, то есть, какие? Еду обратно. Файзимат-ака в район собирался.

— Разве в колхозе нет других машин? Обойдутся. А вы сегодня моим гостем будете.

Садриддин минуту колебался, затем махнул рукой:

— А, была не была! Нельзя обижать отказом достойного джигита. — Он подмигнул Рахиму: — Ну и везучий же день у вас сегодня!

— Вы правы, дружище! — воскликнул Рахим. — Пришел, как говорится, и на нашу улицу праздник.

Они до полуночи просидели в небольшом ресторанчике, что находится на территории Академгородка. Рахим успел забежать к некоторым из друзей, и компания, сдвинув столы, принялась чествовать настоящего кандидата наук.

Говорят, жизнь состоит из случайностей. Вопреки логике, вопреки здравому смыслу Рахиму казалось, что случайная встреча с девушкой сделала сегодняшний день днем сюрпризов. Если бы не встреча с Мунис, кто знает, может быть, и причина, по которой вызвали его в институт, оказалась бы совсем иной?! Конечно, он понимал, что все эти домыслы из области фантастики. Но ему было так приятно связывать счастливый день с именем Мунис! И много времени спустя, когда ему бывало трудно, становилось не по себе из-за семейных неурядиц, он старался припомнить именно этот день, первый день их знакомства. И перед его взором всегда возникали залитые солнцем величественные горы и стройная девушка в трепещущем на ветру платье. Воспоминание это заставляло его забывать обиду, гнало прочь дурные мысли.

На следующий же день он разыскал Мунисхон. Они пошли в театр, потом долго бродили по городу. И еще много вечеров провели они вот так — взявшись за руки, позабыв обо всем на свете.

А теперь необходимо сказать, что за день до того события, с которого началось повествование, между мужем и женой произошла ссора. Нет, это случилось в их семье не в первый раз. Просто в тот день они поссорились гораздо серьезнее, чем прежде. А причиной явился сон. Да, не удивляйтесь, обыкновенный сон, который иногда озаряет нам душу радостью, а то вдруг омрачает ее тягостным видением, в котором склонны видеть мы недоброе предзнаменование.

Рахим проснулся с какой-то непонятной тяжестью на сердце. Неужели так подействовал на него этот глупый сон — какой-то мужчина отталкивающей наружности надел на руку Мунис перстень. Золотой перстень с крупным рубином. Рахим хотел броситься на нахала, но ноги его точно приросли к месту. Мунис насмешливо посмотрела на мужа, помахала ему рукой, на которой ослепительно сверкал перстень, и кинулась догонять удалявшегося мужчину. Рахим пытался кричать, но голос не повиновался ему.

Он резко поднялся, сел на краю кровати — и надо же присниться такой ерунде! Мунис спала. Он невольно бросил взгляд на ее руку и вздрогнул — тот самый перстень, золотой, с крупным рубином, — украшал один из ее пальцев. И тут он вспомнил, что еще вчера вечером кольцо это видел на руке Мунис, но не обратил на него особого внимания — очередная покупка жены. Однако ж почему и сама Мунис не похвасталась приобретением? Станный сон поселил в его душе тревогу и... сомнение. Рахим попытался снять кольцо с пальца жены.

Мунис открыла глаза.

— Что вы? — сонно проговорила она.

— Ничего, — резко сказал Рахим.

Мунис поняла, что муж не в духе. Она натянула одеяло до подбородка, спрятала под него руки:

— Что так рано поднялись?

Рахим не ответил. Несколько минут он сидел молча. И вдруг выпалил:

— Поздравляю с обновой!

Мунис мгновенно сообразила, с какой обновой ее поздравляют.

— Правда красивое кольцо? — Она высвободила из-под одеяла руку, стала любоваться камнем.

— Красивое! — сам не зная почему, зло проговорил Рахим.

Мунис сделала вид, что не замечает его раздражения. Она порывисто поднялась и обняла мужа:

— Купите мне золотое кольцо! Ну пожалуйста...

Алый глазок перстня сверкал у подбородка Рахима.

— А это? Разве не золотое? — спросил он уже более спокойно.

— Да что вы! Разве не видно? Медь обыкновенная. — И она ласково потерлась щекой о его плечо.

Рахим с облегчением вздохнул, будто гора свалилась с плеч.

— Уж очень похоже на золото, — все-таки заметил он.

— На какие же деньги я куплю золотое?! Я даже платье не могу забрать у портнихи — расплатиться нечем! Уже десять дней, как платье готово, даже неудобно...

Рахим и вовсе успокоился. Неприятный сон был им забыт. Мунис, как всегда, без особых усилий развеяла его сомнения. Но вдруг он вспомнил:

— Постой, постой. Ты же позавчера принесла свое платье...

— То другое. А на это материал мне привезла мама. Но при чем здесь, собственно, платье? Я-то ведь вас прошу о кольце! Ну?! Так купите или нет?

— До зарплаты еще несколько дней.

Объятая Мунис ослабли. Руки ее словно бы даже стали холодными.

— Я и не ожидала иного ответа.

— Мунисхон! Я же...

Жена, не дослушав, стремительно вскочила и, шаркая шлепанцами, вышла из комнаты. Рахим сидел, глубоко несчастный, не веря тому, что жена способна на подобную грубость. Немного спустя Мунис вернулась:

— Сама куплю, залезу в долги, но куплю! Все мои подруги ходят в золоте. Одна я, несчастная, каждую копейку считаю, еле свожу концы с концами.

— Перестань врать! — резко сказал Рахим, не в силах более сдерживаться.

— Вижу, правда глаза колет! И не кричите на меня!

— Я не кричу, — сказал Рахим уже спокойнее. — Но ведь это неправда, что нам с тобой не хватает на жизнь.

— Нет, вы кричите, — вхлипнула Мунис. — И на кого? На жену, которая, едва лишь слышит ваши шаги, бежит навстречу. А кто дома в одиночестве сидит, вас поджидая? Кто вас обстирывает? Кто ухаживает за вами? А вы — кричать. За что, спрашивается? За то, что попросила колечко. Конечно, вам куда выгоднее, если жена будет ходить вот в таких побрякушках...

Мунисхон сорвала с пальца кольцо и швырнула его.

— Довольно! — кричала Мунис сквозь слезы. — Кончилось мое терпение. Ухожу! Мама права — надо это делать, пока не поздно. Ухожу!

И она громко разрыдалась.

Как всегда при виде слез жены, Рахим растерялся. Он пытался успокоить, утешить ее. Но Мунис ничего и слушать не хотела.

На работу Рахим ушел подавленный. Из института несколько раз звонил домой. Мунис не подходила к телефону.

В те дни в лаборатории проводились химические анализы нового препарата против вилта. Опыты ставились под непосредственным руководством Рахима Саидова. Результаты этих опытов все ждали с нетерпением. Если они будут положительными, наука обогатится новым ценным вкладом. Урожайность хлопчатника значительно возрастет. От Рахима как от руководителя требовалась полная

отдача. А он, как назло, без конца возвращался мыслями к их утренней ссоре.

От внимания сослуживцев не укрылось то, что Рахим был сегодня необычно рассеян. В обеденный перерыв к нему подошел заведующий лабораторией Хафиз Абдуллаев, бывший однокурсник Рахима по институту.

— Что... опять поскандалили? — спросил он.

— Да. Кажется, действительно нет иного выхода — придется нам расстаться...

— Тебе виднее, — сказал Хафиз, подумав. — Только познать душу женщины — тоже великая наука. Это тебе не какой-то там вилт.

После работы Рахим зашел в ювелирный магазин. Перстней, подобных тому, о каком просила Мунисхон, не оказалось. Продавец, молодой симпатичный парень, заинтересовался:

— Хотите кольцо выбрать?

— Да. Но чтобы глазок был рубиновый...

Продавец усмехнулся:

— У нас таких давно уже не было. — Однако, заметив, что покупатель огорчился, он, подумав, добавил: — Подождите минуту! — и исчез в подсобном помещении.

Через некоторое время продавец принес черную бархатную коробочку, в ней оказался перстень с тремя маленькими бриллиантами.

— Самое лучшее, что у нас имеется. И модно и красиво.

Кольцо действительно было великолепное, тонкой работы.

Руки Рахима, державшие бархатную коробочку, стали влажными. Да это же его месячная зарплата! Он возвратил кольцо:

— Хорошее, слов нет.

— Значит, берете?

Рахим задумался. А что, если перехватить у кого-нибудь нужную сумму? Зато как будет счастлива Мунис!

— До которого часа работаете? — спросил он.

— Через полчаса закроем. Если при вас нет денег, — парень улыбнулся, обнажив золотые зубы, — припрячу до завтра. Такой подарок — радость для женщины.

— Да, конечно, — рассеянно кивнул Рахим и вышел.

Может быть, позвонить Хафизу? У него всегда есть деньги. Он, кажется, копит на автомобиль. Уж наверное выручит друга.

Разыскав телефон-автомат, набрал номер Абдуллаева.

— Что за разговор, конечно, одолжу, — сказал Хафиз, как только услышал просьбу.

— Минут через двадцать буду у тебя! — радостно закричал Рахим в трубку.

Спустя час он вышел из такси напротив семиэтажного дома по улице Энгельса. В одной руке портфель, в другой — торт «Пахта», который обожала Мунис. Лицо его светилось радостью. Не дожидаясь лифта, Рахим взбежал на четвертый этаж. Нажал кнопку звонка. У него был свой ключ, но ему нравилось, когда дверь открывала Мунис. Вот сейчас она выйдет и по его виду поймет, что он все забыл, что он не сердится, что...

Он позвонил еще раз.

За дверью было тихо. «Может, спит? Устает, бедняжка. И работа, и домашние хлопоты...» Он поставил портфель на площадку и вынул из кармана ключ.

— Мунис! Мунисхон! — позвал он, зайдя в квартиру.

Жены не было. Рахим расстроился. Тяжело опустился на стул. Куда она могла пойти? Не в Коканд же уехала? Не глупая, чтобы из-за пустячной ссоры оставлять мужа. Может, у кого-нибудь из подруг? В последнее время она часто в разговорах упоминала имя Каримы. Карима вместе с ней окончила институт иностранных языков. Преподает в техникуме. Как же ее фамилия? Кажется, Кадырова. Ага, Карима Кадырова. Рахим бросился в гостиную, схватил телефонную книгу. Полистал. Слава богу, у нее есть телефон. Поднял трубку, но тут же раздумал звонить. А если у Каримы ее нет? Он окажется в неловком положении. Такое уже случалось. Однажды Рахим разыскивал Мунисхон, обзванивая всех подруг, а жена в это время, оказывается, прогуливалась по улице. На второй день подруги, разумеется, не преминули заметить Мунис, что муж ей, видно, не доверяет... Вечером они из-за этого поскандалили.

Он положил трубку, вошел в спальню. Постель не убрана. На бархатном пуфе возле трюмо лежит небрежно брошенная ночная рубашка. Пестрые коробочки, баночки, склянки на тумбочке зеркала — в беспорядке. На ковер просыпана пудра. Значит, куда-то собиралась, прихорашивалась. Причем, видимо, торопилась. Он вспомнил про фальшивый перстень, закатившийся утром под кровать. Нагнулся, чтобы достать. Перстня не было. Надела. Куда же она отправилась?

Рахим вернулся на кухню, вскипятил чай. Есть не хотелось. Выпил зеленого крепкого чая и стал просматривать свежие газеты. Но даже чтение не могло его отвлечь от тягостных мыслей. Прошло более часа...

Что же делать? Где она может быть так поздно? Уже одиннадцать. Беспокойство в нем росло. Хоть бы позвонила. Некоторое время Рахим неподвижно сидел у телефона, затем решил выйти на улицу.

Не спеша направился по улице Энгельса в сторону сквера Революции. Навстречу шли редкие прохожие. Он несколько раз прошелся по скверу, вглядываясь в прогуливающихся по аллеям людей. Нет, Мунисхон не было, ни одной, ни с подругами. Он поспешил домой, в уголке души теплилась надежда — а вдруг она уже вернулась? Квартира показалась опустевшей — Мунис не пришла. Он пересилил в себе чувство неловкости и позвонил Кариме.

— Нет. Ее нет у меня, — раздался недовольный сонный голос.

Ему вспомнились слова Мунис, брошенные утром вгорячах: «Мама права, надо уходить, пока не поздно...» «Неужели ушла? Но тогда она бы взяла свои вещи». Он распахнул шифоньер. Чемоданы стояли на месте. А может, в порыве гнева ушла, ничего не взяв? Но куда?

Он опять схватился за телефонную трубку. Часы показывали три минуты пятого. Телефонистка междугородной линии предупредила, что Коканд придется ждать час, не меньше. Голос у нее был пронзительный, неприятный.

— Нет, нет, сестренка! — взмолился Рахим. — Очень прошу вас, соедините сейчас. Это очень важно!

— У всех важно! — строго ответила телефонистка. — Иначе ночью не стали бы звонить.

— Пожалуйста, сестренка! — дрожащим от волнения голосом говорил Рахим. — Потерялся человек, понимаете? — Ждите.

Саидов вздохнул, удобнее расположился на стуле. Захотелось курить. Дома он обычно не курил. А вот Мунисхон любила, когда муж затягивался дорогими сигаретами. Порой, как бы в шутку, закуривала сама. Невесть где она доставала «Филипс», «Кент» — импортные сигареты в яркой упаковке.

Рахим прошел в гостиную, взял с серванта пачку. Сломал спичку, другую, пока раскурил сигарету. У него

дрожили руки. Вдруг тишину огласил неожиданный и потому показавшийся оглушительным звонок.

— Алло! Ташкент! — послышался уже знакомый голос телефонистки. — Вы заказывали Коканд?

— Да, да! Заказывал, — поспешно ответил Рахим.

— Соединяю.

— Алло, алло! Это вы, мама? — Но в трубке раздался хриплый мужской голос. — Отец? Это вы? Салам алейкум! Извините, что беспокою в неурочный час. Мунисхон не приехала?

— Куда? — недоуменно спросил тесть.

— К вам! К вам не приезжала?

— Нет, не была... Опять повздорили?

Рахим вынужден был обо всем рассказать.

— И вот приехал домой, а ее нет. Думал, к вам... — заключил он дрогнувшим голосом.

— Если приедет... отправлю назад.

— Что? — не расслышал Рахим.

— Говорю, всыплю ей как следует и отправлю назад.

А сейчас возьми себя в руки и успокойся. Ты же ее знаешь — не пропадет. Заночевала у какой-нибудь подруги, чтобы досадить тебе. Иди ложись спать. Похоже, ты чересчур расстроен. Как дела на работе?

— Спасибо, там-то все хорошо, — проговорил Рахим, немного успокаиваясь. Тесть — старый педагог. Любил своего зятя и чаще всего становился на его сторону. — Как только Мунис придет, я позвоню вам.

— Пусть сама позвонит.

— Ладно. До свидания.

Что и говорить, незавидное у него положение. Еще ни разу после ссоры Мунис не исчезала на всю ночь.

Его стал одолевать сон. Он облокотился на спинку стула и, положив голову на сложенные руки, закрыл глаза. Голова была тяжелой, точно с похмелья. «Где она может быть? Лишь бы ничего не случилось с нею...» Ему никогда не было так тяжело, как теперь. Нет, и раньше жизнь не слишком-то баловала его. Всякое пришлось испытать. Каких, например, усилий, каких нервов стоила ему учеба в институте. Приходилось после занятий работать, чтобы помогать семье. Он уставал — это сказывалось на занятиях. Однако Рахим Саидов считался одним из способных студентов. И вот, когда он добился кое-чего в жизни, когда, казалось бы, только жить да радоваться, Мунис заставляет его страдать.

...Кажется, он задремал... Перед ним расстилалось обширное клеверное поле. Поют, перекликаясь, перепелки. Вот после купанья на берег вышла Мунисхон, отжала длинные волосы, уложила их вокруг головы и с улыбкой пошла ему навстречу...

До его сознания не сразу дошло, что звонят. Он вскочил, бросился было к телефону, но сообразил, что это дребезжит звонок в передней. Мунис! Он опрометью кинулся отпирать дверь. Но это оказалась не она. Перед ним стоял незнакомый мужчина в милицейской форме.

— Извините, здесь живет Саидова Мунис?

— Да, а что случилось?

Рахим почувствовал, как слабеют его колени.

Мужчина шагнул в коридор, показал удостоверение.

— Лейтенант Султанов, — представился он.

— Что-нибудь случилось? Что с Мунис? Ее со вчерашнего дня нет дома.

— Кем она вам доводится?

— Жена. Говорите скорее: что с ней?

— Возьмите себя в руки, я принес нерадостную весть.

Рахим побледнел. Выжидающе смотрел он на лейтенанта, не в силах более вымолвить ни слова.

— Ваша жена... Она погибла... Два часа назад ее нашли на Чорсу... мертвой.

— Как... мертвой?

Рахим пошатнулся, точно от удара. На минуту ему показалось, что он все еще видит сон. Ощувив слабость во всем теле, Рахим прислонился к стене.

Лейтенант взял его под руку, отвел в гостиную и усадил в кресло.

— Призовите на помощь все свое мужество, — сказал он.

Бледные губы Рахима дрожали, из глаз катились слезы. От этого человека в форме он готов был услышать самую недобрую весть, но не думал не гадал, что весть эта будет такой трагической. Мунис погибла. Что он теперь? Зачем ему все? Мунис! Мунис! Что ты наделала?

— Это я убил ее! — сдавленным голосом проговорил Рахим. — Из-за меня... Я во всем виноват.

— Вам необходимо взять себя в руки, — строго сказал лейтенант. — Хлопот у вас будет много. Вы один?

Рахим кивнул. Затем поднял покрасневшие глаза на милиционера, безжизненно проговорил:

— Какое теперь это имеет значение?

— У нее, наверное, есть родители...

— Да... конечно...

— Где они живут? Курите? — Лейтенант протянул сигареты.

Рахим дрожащей рукой взял сигарету, поднес было ко рту и выронил.

— Возьмите другую, — предложил лейтенант. — Так где они живут?

— Что? Ах, да... В Коканде.. У них есть телефон... — Рахим назвал номер телефона.

— Ладно, позвоню им с работы. Мне пора.

У самой двери лейтенант обернулся:

— Вашу жену... через два часа доставят в морг медицинского института. Будьте мужественны.

Лейтенант ушел. Рахим продолжал сидеть, потрясенный известием. Да нет же, нет, все это бред! Он очень устал, ему померещилось. Это бывает от переутомления. Сейчас Мунисхон, улыбаясь, выйдет из спальни. На ней шелковая рубашка в кружевах. Подойдет к нему и, сев на колени, теплыми губами нежно коснется его виска...

— Мунис! Мунисхон!

Не в силах более сдерживать себя, Рахим обхватил голову руками и зарыдал...

3

Капитан милиции Сабир Алиев был не в духе. Завтра предстояло идти в отпуск, и вдруг это дело. Заранее, еще неделю назад, написал он заявление. Уже который год обещает жене, что поедет отдыхать с ней вместе, да так ни разу еще и не выполнил обещание. В этом году, казалось, все складывается как нельзя лучше. Он даже приобрел две путевки в Трускавец. И на тебе — как снег на голову новое дело! Уйди он в отпуск вчера, это дело поручили бы другому. А теперь... Вот и поехал в отпуск летом... По правде говоря, ему не столько было жаль летнего отпуска, сколько совестно перед женой. Живут они уже больше четырех лет, а так еще нигде вместе и не побывали. А сколько было обещаний... Собирался показать ей Ферганскую долину. Не получилось. Хотел как-то повезти в Самарканд — и этому не дано было осуществиться.

Он уже понял, что порученное ему дело непростое и потребует немалого напряжения. Вот и ломай теперь голову, как объяснить все жене. Он сидел в своем кабинете, не решаясь позвонить домой. А она-то уже собрала необходимые вещи...

Вошла секретарша, молоденькая девушка в мини-юбке, принесла чаю.

— Султанов не появлялся? — спросил капитан.

— Нет.

— Как только придет, пусть зайдет ко мне.

— Хорошо.

— Заключение экспертизы не поступило?

— Товарищ Гулямов хотел сам зайти через полчаса.

Капитан занялся чаем, давая понять, что секретарша свободна. Но она не уходила:

— Товарищ капитан, как же теперь ваш отпуск?

— Откладывается...

— Дело в том, что я тоже собиралась отдохнуть...

— Придется вам менять планы, я же без вас как без рук, — виновато улыбнулся капитан.

Девушка вышла. И капитан Алиев позвонил домой:

— Санобар? Это я. Нет, еще не купил, не удалось вырваться. И, кажется, это... не удастся... Ну подожди, выслушай-ка. И слова не даешь сказать... Ну да, дорогая, отменили отпуск... Ты слушаешь? Месяц придется подождать. Всего месяц. Путевки? Пустяки, поменяю...

Капитан положил трубку, с облегчением вздохнул и вытер платком взмокший лоб. Минуту посидев, Алиев открыл лежавшую перед ним папку.

«Саидова Мунис. 1970 год; 22 августа...»

Что же произошло нынешней ночью на площади Чорсу? Он располагал лишь двумя исписанными страницами, где подробно излагалось, как была найдена убитая, перечислены обнаруженные у нее вещи. Перед ним лежали извлеченные из ее сумочки удостоверение и фотография с этого удостоверения, экстренно увеличенная в их лаборатории. Ничего больше пока не принесли — вещи находились в отделе дежурившей ночью опергруппы. Однако все ли? Есть ли среди тех предметов что-нибудь, способное пролить хоть чуточку света на происшедшее? Саидова Мунис... молода, красива... Впрочем, теперь это уже не имеет значения...

Капитан раскрыл ее удостоверение. Ташкентский государственный педагогический институт иностранных языков. Заведующая кабинетом французского языка. Ясно и определенно. Больше это удостоверение не скажет, как ни бейся.

Почему убили? Кто убил?

Секретарша, открыв дверь, доложила:

— Явилась свидетель Шайхудинова.

— Зовите.

В кабинет вошла бледная и осунувшаяся, как после болезни, девушка-вагоновожатая. Остановилась около двери, растерянно глядя на капитана.

— Проходите, товарищ Шайхудинова, присаживайтесь. — Капитан указал ей на стул по ту сторону стола. — Ну, товарищ Шайхудинова, успокойтесь, пожалуйста. И расскажите, как было дело.

Мунира с готовностью рассказала во всех подробностях знакомую уже нам историю.

— Вы эту женщину прежде никогда не видели? — спросил капитан.

— Прежде? — Мунира задумалась. — Не знаю... Я ее и не рассмотрела, темно было.

Капитан положил перед ней увеличенную фотографию Саидовой. Мунира взяла фотографию в руки и долго смотрела.

— Вы знаете, у меня такое ощущение, будто я эту женщину где-то видела... Да, конечно, видела. Она на Чорсу выходила. А вот где садилась в трамвай, сказать не могу.

— Это фотография убитой.

Мунира положила фотографию на стол.

— Бедняжка... Красивая-то какая...

— Да, она была красива. Что ж, товарищ Шайхудинова, благодарю вас.

Капитан вызвал секретаря, попросил дать Мунире Шайхудиновой бумагу и ручку, чтобы она записала свой рассказ и подписалась. Выходя из кабинета, Мунира столкнулась в дверях с лейтенантом Султановым.

— Что нового? — спросил у него капитан, когда свидетельница вышла.

— Разыскал местожительство. Видел ее мужа. Одежда помятая, по всему видно, на ночь не раздевался. На всякий случай взял отпечатки пальцев.

— Курит?

— Да. Сигарету отдал на экспертизу. Родители убитой живут в Коканде.

Капитан, задумавшись, потер подбородок. Не успел ответить, вошла секретарь:

— Пришел капитан Гулямов.

— Пригласите.

В кабинет вошел пожилой полный мужчина в форме военврача.

— Закончили, — сказал он, усаживаясь рядом с Султановым. — Смерть наступила часов в двенадцать ночи. Агония длилась около получаса. На теле две ножевые раны. По правому виску нанесен удар тупым тяжелым предметом, обнаружена трещина затылочной кости. Словом, это не несчастный случай, а убийство. И еще одна деталь: за час до гибели женщина выпила коньяк — «Плиску».

Гулямов положил перед Алиевым папку с заключением экспертизы.

— Где вечером был ее муж? — спросил Алиев у лейтенанта Султанова.

— Выяснением этого занимается старший лейтенант Кадыров, — ответил тот.

Капитан повернул рычажок радиорубки:

— Соедините меня со старшим лейтенантом Рузиевым.

— Рузиев слушает!

— Товарищ старший лейтенант, закончили проверку?

— Так точно!

— В таком случае зайдите ко мне с вещами Саидовой и результатами проверки.

Капитан Алиев машинально открыл папку, принесенную врачом, пробежал взглядом записи.

— Разрешите?

Вошел старший лейтенант Рузиев. Это был высокий, смуглый, примерно одних лет с Султановым, молодой человек. В руках он держал металлическую коробку. Открыв ее, стал выкладывать на стол содержимое.

— Серьги. Золотые. С бриллиантовыми камешками. Стоимость — четыреста восемьдесят рублей. Золотой перстень с крупным рубином. Стоимость — триста сорок шесть рублей. В Ташкенте были в продаже год назад — в ювелирном магазине на Урде, и всего три штуки. Все три покупателя нам известны. А где куплен этот перстень, выяснить пока не удалось. Серьги нынешней весной приобретены в магазине «Рубин», по улице Богдана Хмельницкого... Золотые часы. Мужские. Сто восемьдесят рублей. Подарок от Р. Саидова. Имеется надпись.

— Это муж, — вставил лейтенант Султанов.

— В сумке также найдены тридцать рублей, — продолжал Рузиев. — Помада, пудреница, карандаш для бровей. Носовой платок, приобретенный в магазине, подержанный. Пользовалась только сама. И вот эта маленькая коробочка, завернутая в клочок газеты. — Он протянул коробочку капитану Алиеву.

— Что в ней было? — спросил тот, разглядывая ее.

— Мы выяснили, что в ней находился вот этот самый перстень с рубином. Коробочка новая. И перстень новый. Вот еще — обручальное кольцо. Шестьдесят четыре рубля... Ее одежду я не принес.

Капитан Алиев, глядя на разложенные на столе женские украшения, задумался.

— Она, оказывается, состоятельная женщина. Где ее муж работает? — спросил он.

— В Научно-исследовательском институте биологии растений, — ответил лейтенант Султанов. — Кандидат наук. Старший научный сотрудник.

Алиев оглядел своих помощников:

— Ну, что вы скажете?

— Думаю, следует допросить ее мужа, — предложил лейтенант Султанов.

— В то время, когда на него и без того обрушилось столько хлопот? — проговорил капитан задумчиво. — Допросим позже. А сейчас надо выяснить, где Саидова была вчера.

Капитан решил сам побывать в институте, где Саидова работала, но сначала заехать на Чорсу. Он прошел в комнату отдыха, расположенную рядом с его кабинетом, переоделся в гражданский костюм и вышел на улицу.

— Давай на Чорсу! — сказал он шоферу.

Машина миновала улицу Ленина, свернула на проспект Навои.

Обогнув сверкающий серебристыми струями фонтан, расположенный посредине площади Хадра, свернули направо.

— Подождите меня здесь, — сказал капитан.

Машина стала неподалеку от ворот трамвайного парка. Было душно и безветренно. Размякший асфальт вдавливался под каблуками. Над шашлычной стлался густой синий дым.

Капитан надел темные очки, пересек улицу, направляясь к шашлычной, потом быстро зашагал по широкому тротуару в сторону Чорсу. Он и сам понимал, что вряд ли сможет там выяснить более того, что ему доложили. Здесь прошло столько людей — все следы затоптаны. Однако привычка взяла верх. Хотя он ясно представил все, выслушав донесение лейтенанта Султанова, все же чувствовал необходимость увидеть это место собственными глазами.

Вот и тот тротуар. Прохожих не счесть.

Капитан остановился у края тротуара около зарослей шиповника. Двое пожилых мужчин стояли, опершись на кетмени, у арыка и негромко беседовали. Капитан закурил. Мужчины не обратили на него внимания.

— Найдут, никуда он не денется,— сказал один.— Убил человека, и чтобы тебя не нашли? Как бы не так!

— Рассуждаешь, будто ты сам милиционер или прорицатель! — с усмешкой заметил второй.— Думаешь, тот, кто убил, так глуп, чтобы не замести следов? Он, злодей, давно унес ноги куда-нибудь подальше!

«Прорицатель» опять сплюнул.

— Куда ему бежать? Попадется рано или поздно.

— А ты не знаешь, кто она?

— Никто не знает. Э, Мамарасул, какая разница! Дитя какого-то несчастного человека — разве этого мало? Представляешь, какое горе у родителей...

К остановке подкатил переполненный трамвай. Из обеих дверей выплеснулся шумный поток пассажиров. А те, кто ожидал на платформе, ринулись в вагоны и снова заполнили их до отказа. Беседовавшие у арыка люди тоже протиснулись в трамвай.

Капитан обвел внимательным взглядом заросли. В небольшой клумбе, отделяющей тротуар от проезжей части улицы, он заметил несколько смятых кустиков райхона. Как раз напротив зарослей шиповника! Снова пришла в голову мысль, промелькнувшая, когда садился в машину: «Может, ее здесь оставили, привезя откуда-то?» Шагнул к клумбе, он сорвал сломанные стебли.

— Эй, что вы делаете? — раздался позади сердитый женский окрик.

К Алиеву направлялась решительная женщина средних лет с метлой в одной руке и совком для мусора в другой.

— Взрослый человек! Не стыдно? Разве для этого их сажали?

— Извините, тетушка, они были сломаны. Кто-то прошел здесь, глядите — следы. Вы здесь работаете? — спросил капитан, пряча улыбку.

— Уже больше месяца, как подметаю эту улицу вместо покойного мужа.

— И до которого часа вы тут наводите лоск?

— Э, братец, думаешь я часы соблюдаю? Я здесь и живу! Домишко мой рядом, вон за той будкой. Как свободная минута выпадет, так я и спешу сюда, подметать да поливать.

— А по вечерам приходите сюда?

— Для меня разве существует вечер или утро? Говорю же: как только освобожусь от хлопот по дому, бегу сюда. И утром и вечером.

— А вы слышали, что вчера произошло на этом месте?

— С тех пор места себе не нахожу, братец. Вчера я как раз отмечала сороковой день смерти мужа. Только один раз не вышла — и уже, видите, что случилось. А сами-то вы откуда?

— Я из милиции, — признался капитан Алиев. — Вы не возражаете, если мы зайдем к вам?

— Прошу, братец, прошу. Обеденное время как раз. Идемте, милый.

Держа в руках обломанные веточки райхона, капитан пошел вслед за женщиной. А перешагнув порог калитки, остановился и прикрыл дверь. Как хозяйка ни приглашала зайти в дом, он отказался. Вынул из кармана фотографию Мунис Саидовой и показал ей:

— Вы встречали где-нибудь эту женщину?

Женщина взгляделась в фотографию:

— Что-то не припомню, братец...

— Попробуйте хорошенько вспомнить. Волосы подстрижены. На левой щеке родинка... Белая сумка, белые туфли.

— Пойдите, пойдите! Белая сумка, говорите? Волосы подстрижены? Я же ее позавчера видела! Днем. Вон у той будки газводу пила. Я как раз мела около будки. Ну конечно, это она, милый, она... — Женщина оживилась и будто даже обрадовалась. — На лице, вот здесь, правда родинка. С соевое зернышко. И одета с иголочки. Загляденье. Она мне даже что-то сказала. Ага, вспомнила! Видела, что я подметаю, и говорит: «Что же вы так пылите, тетя?» Я рассердилась на нее. «Во-первых, никакая я тебе не тетя, — говорю. — А во-вторых, сама разве не видишь, что убираю?» Она промолчала.

— Напилась воды. А потом?..

— Потом? Что потом? Потом ушла. В сторону Самаркандских ворот направилась. И сумка в самом деле белая, одна сторона будто плетеная...

— Да, именно такая. С ней никого не было?

— Нет, одна была. А там кто знает... Не обратила внимания.

— Тетушка, я вас прошу, о нашем разговоре никому... Хорошо?

— Не дура, понимаю.

— И потом... подумайте еще. Может, еще припомните что-нибудь. Не исключено, что вы ее и раньше видели с кем-нибудь, только забыли, а? Постарайтесь вспомнить. Я через день-два навещу вас.

— Если вспомню, тотчас сама к вам приду, милый, сама.

Капитан кивнул и вышел со двора.

Направляясь в сторону Хадры, он размышлял. Место-жительство Саидовой известно. Место работы тоже. Это в разных концах города. Что привело ее к Самаркандским воротам?

К вечеру ему была известна биография Саидовой. Родилась в Коканде. Отец, Убайдулла Халиков, заслуженный учитель, сейчас на пенсии. Мать — домохозяйка, в военное время проработала два года в какой-то артели. Время большей частью проводит дома. Дочь их в 1963 году подала заявление в ТашГУ, но провалилась на экзаменах. После этого отнесла документы в институт иностранных языков. В шестьдесят восьмом году закончила этот вуз и около года преподавала французский язык в школе. Затем около восьми месяцев работала в «Интуристе». А с сентября прошлого года заведовала кабинетом французского языка в институте, который закончила. Муж — биохимик. Старший научный сотрудник Научно-исследовательского института экспериментальной биологии растений. Занимается главным образом проблемами хлопководства. Принимал непосредственное участие в выведении нового сорта хлопчатника «Ташкент-2». Сейчас работает над созданием препарата для борьбы с вилтом.

Капитан оторвался от бумаг и, устало откинувшись на спинку кресла, обратился к лейтенанту Султанову:

— Кто был на работе у ее мужа?

— Старший лейтенант Абдуллаев.

— Его мнение о нем?

— Саидов — крупный ученый. Работа, которую он нынче ведет, интересуется исследовательские институты многих стран. Вилт является бичом хлопководства не только в нашей стране...

— Ваша осведомленность заслуживает похвалы, — улыбнулся Алиев.

— Дело требует, — не без гордости ответил Султанов.

— В таком случае, думается, вы мне можете сказать, где вчера была Саидова?

Султанов посмотрел на старшего лейтенанта Рузиева.

— Вчера в двенадцать ноль-ноль она явилась на работу, — быстро ответил он. — Пробыла час. Затем ушла, оставив ключ от кабинета у библиотечарши. Куда ушла, не сказала, хотя обязана находиться на работе до четырех. Где она была, пока выяснить не удалось.

— А муж?

— Вчера до семи находился на работе, — продолжал лейтенант Рузиев. — По пути домой зашел в ювелирный магазин на Урде и выбрал перстень. Дорогой. С тремя бриллиантовыми камнями. Просил продавца оставить перстень до завтра. Выйдя из магазина, звонил по телефону-автомату.

— Кому?

— Коллеге, заведующему лабораторией института Хафизу Абдуллаеву. Просил займы денег. Они встретились у подъезда. Взяв деньги, он на той же машине поехал обратно. Но не успел — магазин закрыли. В половине девятого соседи видели его возвращающимся домой с большим черным портфелем и коробкой торта. Ночью он несколько раз выходил на улицу. Утром лейтенант Султанов застал его в весьма подавленном состоянии. Да, ночью, часа в четыре, звонил в Коканд и разговаривал с тестем — справлялся, не приехала ли к ним дочь.

— Беседовали с его коллегой?

— Да. По его словам, между мужем и женой нередко происходили ссоры. Вчера утром пришел на работу расстроенный. Оказалось, опять поссорились. Признался, что наконец решил развестись... Соседи тоже подтвердили, что они жили в последнее время недружно. Были случаи, что Саидова выезжала в Коканд к родителям. По прошествии трех-четырёх дней ее, как правило, обратно привозил отец. О матери мнение соседней весьма сдержанное. Бывая у молодых, она всякий раз заходила к соседям, осуждала зятя и выгораживала дочь. Жаловалась, что ее дочери не повезло, что ей нужен был муж, который хорошо зарабатывает...

— Сколько получает Саидов?

— Двести шестьдесят.

— А какой оклад был у жены?

— Десяносто восемь рублей.

— Дети есть?

— Она не хотела иметь детей.

— Украшения на ней свои?

— Они совсем новые и, скорее всего, ее. Но на какие деньги приобретены — пока загадка.

— По этому адресу живут давно?

— Я побывал в домоуправлении. Эту квартиру Саидову выделил институт. В шестьдесят девятом году. Вселились, как только был отстроен дом. До этого жили у родителей Саидова. Улица Большая Мирабадская, дом три. У Саидова, кроме матери и отца, есть младшая сестра. Еще не замужем. Отец, Саид Мухамедов, до пенсии работал на текстильном комбинате. Был начальником цеха. Мать, Рахима Мухамедова, преподает в начальных классах школы. Она же устроила невестку в свою школу. Но Саидова проработала здесь всего полгода. Сестра Саидова учится на четвертом курсе в Ташкентском университете.

— Анварджан, вы, кажется, говорили, что застали Саидова в помятой одежде, и высказали предположение, что он на ночь не раздевался, — обратился капитан Алиев к своему заместителю.

— Да, Сабир Алиевич. Он не ложился, это ясно.

— И что вы думаете по этому поводу?

— Он разыскивал ночью жену. Обзванивал знакомых и в Коканд позвонил. — Султанов усмехнулся. — Станный у него тесть. Сказал, что если дочь приедет, то прогонит ее обратно.

— Наверно, добрый и справедливый человек, — заметил капитан.

— Скорее всего, хорошо знает свою дочь! Да, между прочим, у Саидова на буфете стоял поднос с распечатанной бутылкой «Плиски». Наверное, вечером она была дома. Представим себе: Саидов пришел с работы, жены дома нет. Он ждет, нервничает, пьет коньяк, пьянеет. Она приходит поздно, и... происходит ссора.

— Почему вы уверены, что должна произойти ссора? — спросил капитан Алиев, хмуря брови.

— А как же? — удивился лейтенант Султанов. — Кто не станет ссориться с женой, возвратившейся поздно невесть откуда? К тому же утром они уже повздорили, Саидов даже решил с ней развестись.

— Но почему она направилась именно на Чорсу? — спросил капитан. — Кроме того, нам неизвестно, был Саидов с ней или нет. Да, вот еще некоторые дополнительные детали. — Капитан показал присутствующим обломанные ветки райхона, вызвал секретаршу и вручил ей: — Отдайте на анализ.

Девушка кивнула и удалилась.

— Сигарету проверили? — спросил капитан.

— Да. Но отпечатки на ней не совпадают с отпечатками, обнаруженными на окурке, который подобрали на месте преступления, — сказал лейтенант Султанов и, помолчав, добавил: — Товарищ капитан, необходимо допросить Саидова.

— Он не убежит, — сказал капитан и взглянул на Рузиева, как бы ища поддержки.

Рузиев чуть приметно кивнул.

— Итак, чем мы в данный момент располагаем?

Совещание длилось долго. За окном густели сумерки. Пришлось включить свет. В кабинет заглянула секретарша и попросила отпустить ее домой. Алиев кивнул.

Выходит, за один день узнали не так-то мало. Собраны сведения о жизни пострадавшей. Известно, что собой представляет ее муж, Рахим Саидов. Но многое еще осталось неясным. Кто бы ни был преступник, «операцию» он провел со знанием дела — не оставил приметного следа. Но где-то преступник, конечно, себя проявит.

— Сделаем так, — сказал капитан Алиев и, постукивая карандашом, поднялся с места. — Завтра надо повидаться с теми жителями махалли Чорсу, которые приходят к первому рейсу трамвая. Надо со всеми поговорить. Кто это возьмет на себя?

— Я займусь этим, — сказал старший лейтенант Рузиев.

— А вы, Анварджан, в таком случае поинтересуйтесь близкими знакомыми и подругами Саидовой, — сказал капитан Алиев.

Султанов и Рузиев ушли.

Капитан постоял, опершись руками о край стола, разглядывая цепочку знаков, нанесенных на бумагу, будто хотел прочесть неведомые миру письма. Потом опустился в кресло и взял телефонную трубку. Он собирался предупредить жену, что задерживается, но раздумал и набрал другой номер.

— Алло, мне товарища полковника!

— Товарищ полковник на приеме у министра, — ответил женский голос.

— Замира? Рад вас приветствовать.

— Здравствуйте, товарищ капитан! Доложить товарищу полковнику, что вы звонили?

— Не стоит. Завтра сам зайду.

Вдруг дверь отворилась, и появился лейтенант Султанов. Капитан положил трубку.

— В чем дело?

— Товарищ капитан, там вас какая-то женщина спрашивает. Говорит, по важному делу. А со мной отказывается разговаривать.

— Пригласите, пусть войдет.

Это была дворничиха с Чорсу.

— А-а, заходите, заходите!

— Здравствуйте, братец! Вспомнила я! — выпалила женщина с порога. — Я ее раза два с мужчиной видела.

— Что за мужчина? Каков он из себя?

— Среднего роста, такой же интересный, ей под стать. Чернобровый, черноглазый. В руках большой черный портфель.

— Не этот? — Лейтенант Султанов показал ей фотографию Рахима Саидова, которого ему удалось сфотографировать утром, когда тот открывал дверь.

— Похож, — проговорила женщина, поглаживая щеку, — но кто знает... Боюсь ошибиться. Если б самого увидела, может, узнала бы...

— С черным портфелем, говорите? — спросил капитан.

— Да, здоровенный такой черный портфель...

Алиев и Султанов переглянулись.

4

Взошло солнце. Комната наполнилась теплым золотистым светом. Рахим Саидов недвижно сидел, уставясь в одну точку. В опущенной руке, почти касающейся пола, была сигарета, о которой, он, видно, забыл — ни разу не затянулся. Сколько времени прошло с той минуты, когда ему принесли черную весть? Час, два или вечность? Дрожь в теле унялась, и он почти физически ощутил, как к нему постепенно возвращаются силы. Только внутри ощутил пустоту. Такую пустоту, точно из него все вытряхнули, оставили одну оболочку. Или выгорело все в нем. Притупились чувства. Он не плакал, не терзался, будто случилось то, что и должно было случиться, чего он ожидал давно. Ему и показалось, что все это произошло давно, так давно, что успело забыться. Только комната не изменилась. То же самое кресло. И на столе все то же, что было тогда, — чайник с голубыми цветами, две пиалы, половина гандырной лепешки. И сам он в той же одежде, в которой был тогда. Когда-то это уже было? Когда? Всегда, после каждой ссоры. Он так же усаживался в кресло и, подперев рукой голову, погружался в тяжелые думы. А вчера утром, ополоснув лицо холодной водой, он зашел на кухню. Есть

не хотелось. Постояв минуту у окна, вернулся в гостиную и напился вот из этого чайника холодного чая. И с размаху опустился в кресло. Долго сидел недвижно. Ожидал, что Мунис выйдет из спальни и скажет что-нибудь. Он бы обнял ее, извинился и с легким сердцем ушел на работу... Жена не вышла. Из приоткрытой двери доносились ее всхлипывания. Потом она затихла. Рахим Саидов прислушался. Не выдержал и позвал:

— Мунисхон! Я ухожу.

В другое время, когда в доме мир, жена выбегала и, обняв мужа у порога, приникала к его груди. Сейчас не подала даже голоса.

Рахим Саидов взял портфель и, намеренно громко топая, дошел до двери. Постоял минутку. Нет. Мунисхон не появилась.

Чаще всего так и бывало: чем громче кричала жена, тем тише говорил он, Рахим Саидов. А то и вовсе не произносил ни слова. Стоял перед ней, потупив голову. И тем самым еще больше выводил Мунисхон из себя. «Ну, скажите же хоть слово!» — восклицала она и ударялась в слезы. И это было началом их примирения. Когда она в слезах исчезала в спальне, инициатива переходила к Рахиму. Он присаживался на край кровати и гладил плечи уткнувшейся в подушку Мунис. Жена постепенно успокаивалась, потом садилась и утыкалась мокрым лицом в его шею. «Извини, Мунисхон, я виноват», — говорил он. «Вы только и умеете это твердить», — говорила Мунисхон, утирая слезы. — Я вас уже тысячу раз прощала...» — «Ну, пожалуйста, прости и в тысячу первый раз...» Руки Мунисхон крепче обвивались вокруг его шеи.

И в эти минуты в мире не было для Рахима никого милее и дороже ее. И ругал же он себя, что расстроил Мунис! Заставил плакать! Трудно ли сразу же уступить, сделать, как просит она. Рахим покрывал поцелуями мокрые щеки жены, и Мунисхон преображалась. Взгляд ее становился чарующим, улыбка лукавой. Она как бы наполнялась светом радости, его Мунис.

Словно кинжал воткнули ему в грудь: нет теперь его Мунис. И никогда не будет. Зачем она поехала на Чорсу? Что ей там было нужно? Горло будто перехватило тугим железным кольцом.

— Ой, Мунис, что же ты, а?! — вслух сказал он и вздрогнул, испугавшись своего голоса. Быстро поднялся, постоял, не зная, что делать, в какую сторону идти. Подался в спальню.

Постель не убрана. Поперек кровати лежит ночная рубашка Мунис. Его губы задрожали, а на глаза навернулись слезы. Он спрятал рубашку под подушку, как это обычно делала Мунис, и прибрал кровать. Уходя, на пороге остановился, взглянул на себя в зеркало. Он увидел свое небритое лицо, темные круги под глазами и удивился, что можно так измениться.

Он вышел на кухню. На буфете стояла бутылка «Плиски». Ее распечатали позавчера, когда заходил Хафиз. Тогда Хафиз один выпил стопочку. Его рюмка все еще стоит на подносе. Рахим Саидов наполнил ее коньяком и залпом выпил. Ему ожгло горло.

Зазвонил телефон.

— Рахимджан? — раздался в трубке голос Хафиза. — Ты не болен, отчего не пришел? Что ты молчишь?

— У меня... Вчера убили Мунис...

В трубке молчание. Наконец Хафиз с трудом вымолвил:

— Я сейчас приеду.

Рахим Саидов сел. Хорошо, что приедет сейчас Хафиз. Хафиз приедет, и все прояснится. Может, он просто не в себе, чего-то не понял. Как это — убили Мунис? Верно, ему все еще снится один из дурацких его снов. Он вскочил с радостной надеждой:

— Мунис!

Никто не отозвался. Жены не было. Ни на кухне, ни в спальне. У кровати стоят ее расшитые золотом тапочки.

Постучали в дверь. Телеграмма! Это от тестя. «Вылетаем двухчасовым рейсом», — сообщалось в телеграмме. Он взглянул на наручные часы. На них было начало восьмого, часы остановились. Стенные часы на кухне показывали десять минут первого. Значит, они будут часа через три. Он предвидел трудный разговор с матерью Мунис. Она конечно же станет во всем винить зятя. Теща почему-то с самого начала его невзлюбила. И Рахим платил ей тем же. От вида ее, от всегдашнего недовольства у него тотчас портилось настроение. Хорошо, что им сообщила милиция. Он, Рахим Саидов, не смог бы этого сделать.

Пришел Хафиз. Рахим почувствовал, как опять горло сдавило железным обручем.

Рахим рассказал события минувшей ночи.

— Вчера только перстень просила... — горестно проговорил Рахим. — Перстень с рубином. Искал и не нашел. Таких давно нет в продаже. Но я разыскал не хуже. Теперь ей не надо... ей ничего теперь не надо.

— Своим родителям сейчас сообщишь? И в Коканд надо бы...

Рахим показал телеграмму.

— Внизу машина, — сказал Хафиз. — Сулейман-ака дал в наше распоряжение. Он велел тебе передать его соболезнование.

Это было первое соболезнование.

Рахим вышел на улицу. Солнце было в зените и палило немилосердно. Несмотря на жару, улица была многолюдной. У каждого свои заботы, никто даже не обернулся в его сторону, не спросил о его горе. Никому не ведомо, что у него на душе. Да! Такова жизнь.

Рахим пересек тротуар, у края дороги стояла директорская синяя «Волга». Водитель поспешил навстречу.

— Знать, на роду написано, что поделаешь!.. — проговорил он.

Рахим тяжело опустился на заднее сиденье. Водитель ждал, вопросительно глядя на него. Потом спросил:

— Куда поедем, Рахимджан-ака?

— Ах да... в институт.

У ворот было трудное объяснение, сторож потребовал пропуск.

— Какой пропуск? Я... я за женой.

— Где она, ваша жена? — еще строже спросил сторож.

— Она... Там, в морге...

— Извините, сынок, проезжайте.

Медленно спустились они по ступенькам в подвальное помещение. Шофер, привалившись плечом, открыл массивную дверь. Сырой холодный воздух и запах прелости ударил в лицо. За столом, тускло освещенным настольной лампой, спиной к ним сидел худощавый рыжеволосый мужчина, облаченный в черный халат.

— Можно? — спросил Рахим. — Жена моя, Мунис... Саидова... Сегодня привезли.

— На крайнем столе.

Рахим Саидов подошел к крайнему столу и осторожно приподнял простыню.

Дрожащей рукой поправил ее волосы.

— Мунис... — проговорил он; ей на висок упала его слеза.

Шофер тоже смахнул слезу. Он попытался увести Рахима. Но тот все стоял возле Мунис. Случайно Рахим нащупал в кармане деньги. Откуда они взялись? Ах, да, он же вчера занял их у Хафиза. На перстень, который и сей-

час ждет его в ювелирном на Урде. Вынул одну купюру, дал мужчине:

— Присмотрите, пожалуйста, за ней...

Тот принял деньги, молитвенно провел по лицу руками.

Рахим тоже машинально провел по лицу руками и поспешил из мрачного подземелья.

Отсюда он решил поехать к своим родителям, жившим на окраине города в старой махалле. Калитка оказалась незапертой. Они вошли во двор. Огромная серая собака с громким лаем кинулась навстречу.

— Коктай! Не узнал, Коктай?

Пес виновато завилял хвостом.

Под урючиной посредине двора стояло сури — широкий деревянный помост, застланный кошмой и узкими одеялами.

Здесь Рахим оставил шофера и пошел в дом. Поднялся на веранду. Позвал: «Мама!» Никто не отозвался. И он возвратился к сури.

— Наверное, ушли к соседям, — сказал он, садясь рядом с шофером. Коктай вытянулся у его ног. — Я родился здесь...

Когда он входил в эту калитку, он испытывал странную, одному ему ведомую боль. Тридцать лет прожил он в этом доме. Каждый гвоздик, трещинка в дверях, каждая щербинка в старых оконных рамах, каждый сучок на деревьях были ему знакомы и дороги. И этот постаревший Коктай, который лежит у ног, преданно заглядывая в глаза, тоже родился здесь. Рахим Саидов его помнит еще слепым щенком. И родителей Коктая знал, его мать и отца.

В тот день, когда Мунис и Рахим переезжали на новую квартиру, Коктай нервничал, не находил себе места. Когда Рахим выносил из дому вещи к машине, Коктай валаивал и ворчал. Потом понял, что его не слушают, залез в конуру и долго не показывался. Но, заслышав урчанье машины, подошел к Рахиму и лизнул ему руку.

Настояла тогда Мунисхон, чтобы жили отдельно. Рахим Саидов любил свой старый дом и своих родителей. Для них он оставался ребенком. Особенно для матери, которая провожала его на работу, как в школу. Она собирала ему портфель, провожала до калитки, а вечером, когда он возвращался, встречала ласковыми словами. А вот с Мунисхон не очень ладила. Беда, если две женщины в доме не поладят. Сейчас трудно сказать, кто из них сделал первую ошибку, повлекшую за собой много других.

Рахима-апа много познала в жизни трудностей. Потому детей своих не баловала. Хотела, чтобы знали цену хлебу, который едят, и одежде, которую носят. Мунисхон хотела жить легко, о завтрашнем дне не задумывалась. Не исключено, что это и явилось главной причиной недовольства друг другом. На второй же день после свадьбы Мунисхон заявила мужу, что ей не нравятся ни дом этот, ни двор, ни махалля, стиснутая со всех сторон высокими многоэтажными домами. И комнаты, отведенные в доме для молодых, не пришлись ей по душе. Рахима-апа видела это, конечно. Но обострять отношения между молодыми не хотела, поэтому ни разу и не пожаловалась сыну на невестку. Но Рахим Саидов видел, что между Мунисхон и матерью растет неприязнь, как бы ни скрывали это от него обе женщины.

Так прожили они два года. Саид-ака тоже видел, что и у сына портятся отношения с женой.

— Сынок,— сказал он однажды.— Не попробовать ли вам пожить отдельно? Мы с матерью состарились. У нас свои привычки, взгляды. Как бы нам не стать вам в тягость.

Рахим понял отца. Он был благодарен ему. Он и сам не раз собирался поговорить об этом, но не решался.

Молодые поселились в новой квартире, но отношения между невесткой и свекровью не улучшились. Всякий раз, когда к ним навещалась Рахима-апа или когда сами они навещали стариков в старом их доме, Мунисхон раздражалась по пустякам. Нередко от каких-то даже самых безобидных слов она вспыхивала.

...Коктай забеспокоился, негромко тьякнул. Калитка распахнулась, и вошла Рахима-апа с тяжелой сумкой.

— Рахимджан? Родной мой сыночек! — Рахима-апа поставила сумку на землю и распростерла руки для объятий.— Давно пришел? А я жду тебя каждый день, все глаза проглядела. Здоровье как? Невестка моя чем занята, что носа не кажет? Вчера собралась было к вам, отец не пустил. Считает, что я раздор вношу в вашу семью.

— Ах, мама, нет больше нашей Мунис.

Мать посмотрела на сына, не понимая, что это он такое говорит.

— Что означают твои слова, сынок?

— Мунис... вчера убили.

— О боже!..— простонала Рахима-апа.— Бедная моя головушка! За что? Кому она сделала плохое? Моя бедная девочка!..

Рахима-апа на что-то причитала, плакала. Потом стала успокаивать безутешного в своем горе сына, ссылаясь при этом на бога и судьбу.

— Где отец? — спросил Рахим, как только она умолкла.

— Скоро придет. Ему путевку выделили на комбинате. За ней пошел. Как же случилось такое несчастье? Я сейчас соберусь, милый. Вот только чай тебе приготовлю. О сынок, какое же тебе горе приходится переносить! Мало ли трудностей выпало на твою долю...

Рахима-апа засуетилась, направилась к очагу, расположенному под навесом, стала разводить огонь. Оттуда все еще доносились ее вздохи, причитания. Конечно же ей тоже сейчас тяжело. Муниسخон, как ни суди, была ей не чужой.

Да, мать права, трудностей в жизни он испытал немало. Но эту беду, свалившуюся на него неожиданно-негаданно, ни с чем не сравнить. Бедная Муниسخон! Она, верно, кричала, звала на помощь. От этой впервые пришедшей к нему мысли Рахиму стало трудно дышать, он расстегнул ворот рубашки. Глаза обожгли слезы.

— Рахимджан-ака... — напомнил о себе шофер.

— Да, да, конечно, все это бесполезно, — кивнул Рахим Саидов.

Мать принесла чайник и пиалы.

— На тебе лица нет, сынок... Ах, бандиты проклятые, чтоб под ними земля разверзлась! Кому это понадобилась невинная душа моей невестушки?!

Выпили по пиале крепкого зеленого чая. Вскоре, постукивая палкой, пришел Саид-ака. Едва он появился в калитке, Рахима-апа с плачем бросилась ему навстречу:

— Ой, отец! Какое горе-то свалилось на нас! Великая беда обрушилась на нашу голову! Нет у нас больше нашей невестушки!

Старик выронил из рук палку. Лицо его сделалось бледным.

— Что ты плетешь, неумная?

— Нашу Муниسخон убили. Ой, несчастная моя головушка! Лучше бы мне умереть!

Саид-ака сел рядом с сыном и спросил, что произошло.

Слушая рассказ сына, старик сидел молча, низко опустив голову.

Рахиму ни разу не доводилось видеть, чтобы отец плакал. Он всегда мужественно принимал трудности. От природы он неразговорчив. Чтобы победить горе, уходил с головой в работу. Чего-чего, а уж работы у него всегда хватало. Он не умел сидеть сложа руки, от безделья уставал.

С виду отец был суров. Но, несмотря на внешнюю суровость, за всю жизнь он грубого слова сыну не сказал. Если уж очень был недоволен, обращался к нему на «вы». И такое его обращение порой ранило сильнее бранных слов. Рахим Саидов помнит один из таких разговоров с отцом, хотя давно это было.

В их махалле поселился с семьей полковник. У него было двое детей: сын — ровесник Рахима и дочка — на год или два младше. Звали девочку Света. Веселая она была. Песенки любила петь. Рахимджан подружился с ее братом. Но вскоре поймал себя на мысли, что частит к ним не столько из-за него, сколько из-за Светы. Случалось, он задерживался у них допоздна, и тогда родители приходили за ним, чтобы увести домой.

Все бы ничего, да стал Рахимджан хуже учиться. За первую четверть в его табеле появились четыре тройки. И это в то время, когда школа в числе трех лучших учеников намеревалась выдвинуть его кандидатуру на золотую медаль.

Однажды, возвращаясь вечером от Светы, он увидел директора школы, выходящего из их калитки. Рахимджан спрятался за дерево и глядел вслед директору, тревожно раздумывая, что же привело его к ним в дом.

Рахимджан всю ночь проворочался в постели. Утром за завтраком отец сказал:

— Сынок, кажется, вы у нас стали совсем взрослым?

Рахимджан растерянно посмотрел на отца, на мать.

— Оказывается, вы под ручку с барышнями разгуливаете?

Рахим почувствовал, как у него вспыхнули уши. Всего-то один раз, когда шли из кино, он взял Свету за руку.

— Если так, то давайте-ка лучше мы женим вас — и дело с концом. Бросайте, сынок, учебу. Верно я говорю, Рахима?

— Не говорите так, — смеясь, ответила мать. — Рахимджан наш закончит школу на золотую медаль. Поступит в институт. А там и подберет невесту себе.

— Какое будет ваше решение, сынок?

Рахимджан сидел с неразжеванным куском во рту, не мог проглотить. Он мотнул головой.

— Не слышу, сынок, вы что-то сказали?

Рахим с трудом проглотил.

— Будет так, как мама сказала.

— Значит, договорились.

Рахимджан много дней затем старался не попадаться отцу на глаза. Исчезал из дому ранним утром, еще до того, как отец вставал, возвращался, когда он уходил на работу. А вечером, едва отец входил в дом, он прятался в своей комнате. У Светы он перестал бывать. Но очень ему хотелось сбегать к ней хоть на минуту. Эх, учились бы они в одной школе! Тогда бы уж непременно виделись каждый день.

Прошло около трех недель. У ворот Мирабадского базара Рахимджан неожиданно встретил брата Светы. Они поздоровались.

— Ты что перестал бывать у нас? — сказал тот.

Рахим покраснел.

— Много уроков задают, — соврал он, не поднимая головы. — Не успеваю.

— А мы уезжаем...

— Куда?! — испугался Рахим.

— Папу опять переводят на новое место. В Алма-Ату. Заходи попрощаться. Уезжаем утреним.

Рахимджану очень хотелось их проводить, но он так и не решился это сделать.

Спустя месяц пришло письмо. В конверте оказалась большая фотография Светы. Она была снята в школьной форме. На черном переднике комсомольский значок. В толстую косу вплетен бант, похожий на белую розу. Волнистые светлые волосы, зачесанные назад, прикрывают уши. Рахимджан не помнил, чтобы прежде она так причесывалась. Обычно заплетала две косички, которые смешно торчали в разные стороны. А теперь — толстая коса. Света стала еще красивее. Улыбается чему-то грустно и задумчиво. Глаза у нее голубые-голубые, как весеннее небо под Ташкентом.

До последнего времени Рахим Саидов берег ту фотографию. Прятал между страницами книг. И только недавно она пропала. Кто знает, может, Мунисхон порвала и выбросила. Однако спрашивать у нее об этом не стал.

В тот год он закончил школу с серебряной медалью. Получил четверку за сочинение. Родители и все близкие поздравляли. А ему было совсем невесело. Ему казалось, что он потерял в жизни что-то очень дорогое. Дважды сдился за ответ, но оба раза рвал листки на мелкие кусочки.

Проходили дни, недели, месяцы. Он все думал о Свете. Мечтал о нечаянной встрече с нею. В конце учебного года поделился тайной со своим другом Хафизом. Друг назвал Рахимджана простофилей и посоветовал немедленно написать Свете. И Рахим написал письмо. Это было искреннее письмо, теперь уже он не скрывал своих чувств.

Как ждал Рахимджан ответа! Но письмо его возвратилось назад со штемпелем: «Адресат выбыл».

Вот так обернулась беседа с отцом, когда он единственный раз в жизни говорил с ним на «вы». Долго потом с болью в сердце вспоминал Рахим историю своей первой любви.

Настенные часы пробили три раза. «Сейчас придут», — подумал Рахим. Но теперь встреча с родителями жены не пугала его, как утром. Горе было сильнее всех иных чувств. Оно его примиряло со всеми. Мунис, Мунис... Не один, а тысячу таких перстней достал бы, лишь бы ты была жива! Выполнял бы все, что ни велела. Мысли бы угадывал. Он вспомнил ее сияющие глаза, ее беззаботный заразительный смех.

«Вы не цените меня, — порой упрекала она полушутя-полусерьезно. — Вот умру, будете жалеть...» Рахим сердился: «Не болтай глупостей!»

Но он тогда и подумать не мог, что шутка Мунис обернется жестокой действительностью.

...Однажды они с Мунисхон поехали на Комсомольское озеро. Был воскресный день. Несмотря на осень, погода стояла жаркая. Рахим Саидов с раннего утра просидел за письменным столом, изучая записи недавно проведенных опытов. Очень устал и с удовольствием теперь гулял.

Они дважды обошли озеро. Потом посидели в кафе, ели мороженое, пили шампанское.

Рахим Саидов расплатился с официанткой, и они направились к выходу из парка. Вдруг Мунисхон, прижавшись к его плечу, попросила:

— Прокатите меня на лодке, Рахимджан-ака! Поглядите вон на тех... Как они счастливы!

У Рахима не было желания кататься на лодке, он ни разу в жизни не держал в руках весел, но все-таки не мог отказать жене:

— Идем!

По озеру плавало с десяток лодок, которые то и дело оказывались на пути Рахима. Хорошо, что встречные вов-

ремя сворачивали. Мунис была очень довольна. Когда на нее попадали брызги с весел, она взвизгивала, как ребенок.

— Вы, оказывается, настоящий гребец! Мы будем каждое воскресенье приходить сюда! — возбужденно говорила она.

Рахим улыбался ей, а сам лишь одного желал — благополучно довести лодку до берега.

О, как бы он хотел, чтобы это повторилось!

...У подъезда раздался громкий плач.

— Доченька моя! Куда же ты ушла от нас, моя единственная!..

Рахим узнал голос тещи. К ее голосу присоединились причитания матери. И опять весь дом огласился воплями женщин.

Старики заспешили на лестничную площадку.

Встреча была не столь уж тягостной, как предполагал Рахим, более всего опасавшийся этой минуты. Первым по лестнице поднимался Убайдулла-ака. Он поздоровался за руку с Саидом-ака, другими стариками, затем обнял зятя.

— Разлучились мы с нашей доченькой... — негромко начал он, но голос его сорвался.

— Я виноват. Не должен был ее одну выпускать из дому.

— Откуда было вам знать, сынок... Видно, на роду написано... лежит бедняжка моя, уснула.

Убайдулла-ака всхлипнул, вытирая глаза тыльной стороной ладони.

Теща поднималась медленно, держась за перила. Часто останавливалась, переводила дыхание. И снова шла, горестно причитая:

— Саид-ака... что же это за доля у меня такая, а? За что меня так наказал аллах? Что плохого я ему сделала? Кто теперь будет оплакивать меня после моей смерти?..

Рахим Саидов шагнул ей навстречу:

— Здравствуйте, матушка...

— Вай, сынок, что же это сделала с нами Мунисхон, а?

Она припала к груди зятя и заплакала горько. Рахима-апа взяла ее под руку, усадила на диван.

Рахим Саидов не понял, отчего в глазах у него потемнело и земля ушла из-под ног. Хафиз не успел его поддержать, он оказался на полу.

Придя в себя, он так и не мог понять, что произошло. Почему он лежит в кровати, а вокруг суетятся люди.

— Все в порядке, сынок, — услышал он голос отца. — Призови свое мужество, сынок.

Это было ранним утром. Санобар чистила на веранде брюки мужа. Щетка ударилась обо что-то твердое. Похоже на зажигалку. Но муж держал зажигалку в нагрудном кармане. А сейчас, припомнила Санобар, зажигалка лежит в нише, она только что видела ее там. Что же это может быть? Санобар не имела привычки проверять карманы мужа, но тут любопытство пересилило. Она вытащила из кармана маленькую коробочку. Открыла. В ней оказался перстень с крупным рубином. «Наверно, мне купил, а скрывает», — обрадовалась она. Надела на палец с трудом. Ничего, можно отдать в растяжку. Смотри-ка, какой красивой сделалась ее рука — прямо как у шахини. До сих пор у Санобар не было иного украшения, кроме обручального кольца, которое Сабир-ака надел на ее палец в загсе. Правда, сережки у нее есть. Маленькие, с розовыми камешками. Их подарил отец, когда она была еще совсем девчонкой. А муж не любил всякие украшения и презрительно называл их «погремушками». Жемчуг, золото, рубин. Санобар и не заводит о них речь, муж сразу начинает хмуриться. Мещанство это все, считает он. И вдруг купил. «Что же с ним произошло такое?» — думает Санобар, а сама все поворачивает руку и так и этак, любуясь перстнем. Подставила под солнечный луч, пробивающийся сквозь вьющийся по жердочкам виноградник. Рубин вспыхнул и стал похожим на спелое зернышко граната. Но тут мелькнула другая мысль: если перстень предназначен ей, почему Сабир-ака не отдал его вечером? А вдруг — сердце у нее дрогнуло — этот подарок вовсе не для нее!

Тихо, на цыпочках, вернулась она в спальню. Муж лежал, заложив руки за голову.

— Проснулись, Сабир-ака? Смотрите-ка!..

Санобар протянула руку, повернула ладонь тыльной стороной к мужу, и Сабир Алиев мгновение смотрел, словно не соображая спросонок, что ему показывают, и вдруг крикнул:

— Сними сейчас же!

— Почему? — Санобар прикрыла перстень ладонью.

— Сними, тебе говорят!

Санобар поспешно стащила тугой перстень и швырнула мужу:

— Возьмите!

— Знаешь ли ты, чье это кольцо?

— Чье оно может быть, если находится в вашем кармане?.. Наверное, вашей любовницы...

— Убитой женщины!

Санобар испуганно смотрела на мужа.

— Ой, господи! Зачем же вы носите домой такие вещи? — упрекнула Санобар.

— А ты зачем роешься в моих карманах?!

— Извините... Я же никогда себе этого не позволяла.

— Где футляр?

— Вон, в нише.

Сабир Алиев положил перстень в коробочку и спрятал в карман.

— Вчера надо было кое-что проверить. Поэтому и брал его с собой, — примирительным тоном объяснил он.

Санобар, не сказав ни слова, принесла мужу чай.

— Сложную задачу предстоит решить. Пока не знаю, с чего и начинать...

Санобар молчала. Она так расстроилась, что не хотела говорить. Прониклась и жалостью к женщине, которая носила этот красивый перстень. Но была и огорчена тем, что он не оказался подарком, предназначенным ей.

Муж, конечно, догадался, чем она расстроена. Осторожно обнял за плечи, поцеловал в висок.

— И что ты в нем нашла хорошего? Грубое, тяжелое... Я куплю тебе другое. Вот получу зарплату, добавим из тех денег, что лежат на путевки, и купим.

— А курорт как же?

Сабир Алиев вздохнул, отводя взгляд:

— Поедем. Вот только с делами управлюсь.

Однако по тону, каким он это сказал, Санобар поняла, что их поездка не состоится в ближайшее время. Но рано или поздно они все-таки поедут. Как ни заманчиво было иметь дорогой перстень, она, вздохнув, отказалась от него. Отдых был необходим не столько ей, сколько мужу. Он очень устал. Старается, правда, скрыть это. А сам плохо спит по ночам. Поехать надо непременно, чтобы он хоть на месяц позабыл о своей работе.

— Ладно, не нужно мне никакого кольца. А на курорт если не поедем, вам несдобровать. Уйду от вас, вот увидите, — засмеялась она.

— Договорились, моя умница, моя любимая женушка!

Сабир Алиев взял Санобар за плечи и нежно привлек к себе.

Спустя полчаса капитан уже сидел в своем кабинете. За пять дней он не раздобыл новых сведений. А то, чем они располагали, было незначительно.

Капитан Алиев возлагал большие надежды на перстень с рубином редкой красоты. Перстень был куплен в Са-

марканде. Однако продавец, как ни старался, не смог припомнить, кто его купил. Во всяком случае, время, когда оно было продано, он назвал точное. У них это регистрируется в специальной тетради. В ней значилось четырнадцатое августа. И еще продавец припомнил, что куплен был этот перстень не женщиной. Таких перстней в магазин поступило всего шесть штук. Пять сейчас находятся в Самарканде. Он даже знает у кого. У его знакомых. Чего греха таить, он сам известил их. Конечно, этого не следовало делать, он понимает, но все перстни проданы по своей цене, любой подтвердит. А шестой перстень долгое время лежал на прилавке под стеклом.

Капитан Сабир Алиев, который сам ездил в Самарканд для выяснения этого вопроса, испытывал чувство, какое испытывает человек, бережно несший громадный арбуз и уронивший, разбивший его на пороге своего дома.

Капитан Алиев знал, что дважды Рахим Саидов — двенадцатого и пятнадцатого августа — был в Алмалыке. Там его опытный участок. Неужели оттуда он ездил в Самарканд? Капитан Алиев рассчитал: в принципе это возможно. Не знают ли об этом сослуживцы? Во всяком случае, придется их расспросить.

Собираясь в Самарканд, капитан Алиев поручил лейтенанту Султанову вызвать Рахима Саидова:

— Вызовите на утро. И дворничиху с Чорсу тоже.

Капитану Алиеву, честно говоря, очень не хотелось, чтобы преступником оказался Рахим Саидов, хотя он его еще не видел. Этот человек вызывал в нем симпатию. Интуитивно он чувствовал, что Рахим Саидов чистосердечен, мягок. И, судя по характеристике, данной сослуживцами, весьма и весьма порядочен. Однако чего в жизни не случается!

В кабинет вошел лейтенант Султанов:

— Рахим Саидов ожидает в приемной.

— А дворничиха?

— Тоже там. Сидят рядом.

— Пригласите ее ко мне.

Женщина вошла.

— Пожалуйста, садитесь. Извините, что опять побеспокоили.

— Что вы. Раз уж понадобилась, чего там... — Женщина опустила в кресло.

— Что нового могли бы нам сказать?

- Ничего, милый.
- А к человеку, который сидит в коридоре, пригляделись?
- Нет, не он. Этого не видала в нашей стороне.
- Уверены?
- Вай, братец, с того самого дня я только и знаю, что гляжу по сторонам, осматриваю всех. Не он, бог свидетель. Зачем же на человека напраслину возводить... А его тоже вы вызвали? — понизив голос до шепота, поинтересовалась дворничиха. — Кто он?
- Муж убитой.
- Вай-вай-вай, какой славный человек-то! Бедняжка! Он, видать, изболелся душой.
- Да, для него это большое потрясение, — сказал капитан и встал, давая понять, что разговор закончен. — Спасибо, до свидания.
- А зачем приглашали-то? — спросила дворничиха, дивясь тому, что так мало с ней разговаривали.
- Думал, скажете что-нибудь новенькое...
- Говорила же: если что замечу, сама прибегу. Коль попадетсЯ мне на глаза тот, узнаю. На людей память у меня прочная.
- Женщина ушла.
- Алиев нажал кнопку, вошла секретарша.
- Пригласите Саидова.
- В кабинет зашел человек, с которым капитан был знаком по фотографии. Но теперь он вряд ли узнал бы его, встретясь с ним на улице. Лицо вытянулось, глаза ввалились.
- Здравствуйте, товарищ Саидов.
- Капитан пошел ему навстречу, усадил в кресло.
- Понимаю, как тяжело вам, такое горе... Я искренне вам сочувствую.
- Спасибо, — еле слышно отозвался Рахим.
- Вы, конечно, знаете, почему мы вас вызвали, — сказал капитан. — Убийца до сих пор не найден...
- Он внимательно смотрел на Рахима. От его взгляда не могла скрыться ни малейшая перемена в его лице.
- Да. Конечно, — произнес Рахим Саидов. — Понимаю.
- Нас интересует очень многое, — продолжал капитан. — Мы рассчитываем на вашу помощь... Вы не знаете, с какой целью ваша жена поехала на Чорсу?
- Рахим Саидов отрицательно покачал головой:
- Не могу понять.

— Может, кто-нибудь из ваших знакомых или родственников живет там?

— Нет. У меня лично там нет никого.

— А у жены?

— И у нее тоже. И вообще у нее никого в Ташкенте нет. Она родом из Коканда.

— Нам это известно. Но, может, какие-то знакомые? Вы знаете всех ее знакомых?

Рахим Саидов задумался. Знал ли он всех знакомых жены? У нее было множество подруг. Прежде, когда они только еще встречались, она приходила на свидание всякий раз с новой. Рахиму Саидову хотелось остаться наедине с Мунисхон, но он вынужден был мириться с условиями, навязанными девушкой, и внешне никогда не проявлял недовольства.

После института почти все ее подруги разъехались. Фарида осталась в Ташкенте. Она вышла замуж. Еще Зубайда, работает переводчицей. И еще коллеги. Ее коллеги и его. Это их общие знакомые. А имела ли она знакомых, которых он не знал? Видимо, да...

— Скорее всего, я знаю не всех ее знакомых...

— А вы не помните, что она намеревалась делать в тот день?

— В тот день... мы утром поссорились. Из-за пустяка. Потом я ушел на работу, а она осталась...

— Если можно, поточнее. Из-за какого пустяка?

— Какое это теперь имеет значение?

— Для нас все имеет значение. Так что, прошу вас, поточнее. С чего началась ссора?

— Как вам сказать...

Рахим Саидов умолк, стараясь собраться с мыслями. Он никому, даже близким, не рассказывал о подробностях их ссор. И не жаловал людей, которые, как говорится, выносят сор из избы. Он всегда испытывал неловкость, если на службе догадывались по его настроению о том, что в семье у него нелады. Даже Хафизу он долгое время не говорил о ссорах с Мунис.

А капитан настаивал. И Рахим Саидов начал:

— Утром я увидел на ее руке новый перстень... С каким-то большим красным камнем. Поздравил с покупкой. Она сказала, что перстень этот медный, дешевый и не стоит поздравлений. И стала просить, чтобы я ей купил дорогой... Хотя нет, она не сразу стала просить. Если бы попросила в самом начале, мы бы не поссорились. А она стала упрекать, что я не делаю ей дорогих подарков. Ска-

зала, что за время нашей совместной жизни я ничего ей не подарил. Кажется, я тоже сказал что-то грубое. Она сняла с руки перстень, бросила на пол и вышла в другую комнату. Я ушел на работу. На работе поостыл и несколько раз порывался позвонить домой, но... позвонить — значит признать себя виновным. А мне этого не хотелось. К концу дня, однако, негодование во мне улеглось, и я уже чувствовал свою вину. Я пошел покупать перстень. В ювелирном на Урде облюбовал. Правда, не такой, какой она хотела, но тоже красивый. Дорогой. У меня не было столько денег, я позвонил приятелю Хафизу. Мы еще в школе учились с ним, а теперь вместе работаем. Он мне одолжил деньги. Но в магазин до закрытия я не успел. Поехал домой... По пути зашел в гастроном и купил торт. Мунис очень любила торт «Пахта». Прихожу домой — ее нет. Ждал допоздна. Потом стал обзванивать знакомых. Бродил по городу — думал, встречу... Мне и в голову не пришло это... Я думал, что она осталась у знакомых, чтобы досадить мне...

— Давно разладились ваши отношения с женой? С какого времени вы начали ссориться?

— С год примерно... Да, около года уже.

Рахим Саидов в упор взглянул на капитана. По лицу пошли красные пятна.

— Товарищ капитан! Неужели вы меня подозреваете? Неужели я?.. Неужели?.. — Ему стало душно, он рванул воротник.

— Возьмите себя в руки, — спокойно сказал капитан, и его спокойствие, кажется, передалось собеседнику. — У нас нет оснований подозревать вас. Однако поймите: вы главный, кто нам должен помочь и может помочь.

— Понимаю, — вздохнул Рахим.

— Нам необходимо знать все. В тот день ваша жена ушла из института в половине второго. Куда — нам неизвестно... До которого часа работала ваша жена?

— До четырех.

— И никогда не уходила раньше?

— Нет.

— Она часто уходила в половине второго, иногда и раньше. Вы об этом знали?

— Нет, что вы. Она всегда приходила только вечером. После работы обычно ходила в магазин, на базар...

Капитан сидел молча, задумчиво глядя в сторону. Потом выдвинул ящик стола и вынул обручальное кольцо.

— Вам знакомо это кольцо?

— У нее было точно такое.

— А часы?

— Мой подарок в день рождения. Вернее, я дал деньги, а она купила сама.

— А серьги узнаете?

Капитан положил на стол перед Рахимом серьги. Золотые, с бриллиантовым камешком. Рахим долго глядел на них, не притрагиваясь. Нет, таких никогда не было у Мунисхон.

— Чьи они? — спросил он.

— Вашей жены.

— Что вы, такие вещи нам не по карману. Это не ее серьги. Вы что-то перепутали.

— И вот этот перстень, — капитан раскрыл коробочку, которую Санобар нашла в его кармане и приняла за подарок.

— Это тот самый перстень, из-за которого мы поссорились! — быстро проговорил Рахим. — Медный.

— Медный, говорите? — усмехнулся капитан.

— Да. Она так сказала.

— А знаете, сколько он стоит... этот «медный» перстень?

— Она говорила и о цене... Кажется, шесть рублей с чем-то.

— Шесть с двумя цифрами впереди... Настоящая цена его: триста сорок шесть рублей!

— Сколько?! — изумился Рахим Саидов. — Неужели ей в магазине по ошибке...

— Ошибки тут нет, — перебил его капитан. — Какой же дурак вместо медного может дать золотой? Золото отличить от меди совсем нетрудно.

— Значит, она меня...

— Жена вам сказала неправду.

— А зачем? — растерялся Рахим Саидов. — Для чего ей это было нужно?

— Вот в этом как раз мы и хотим разобраться. Кстати, серьги эти принадлежат тоже ей. И стоят свыше четырехсот рублей.

— Ничего не понимаю. Где она взяла столько денег?

— Значит, раньше вы эти серьги у нее не видели?

— У нее были серьги. Но не эти. Моя мать ей подарила на свадьбу.

— А ее родители подарить не могли? Кажется, она у них единственная дочь?

— Да, одна дочь была у них... — Прошла целая минута, прежде чем он смог продолжать. — Но они не в состоянии делать такие подарки. Особенно сейчас, когда отец на пенсии... Пойдите, а может, взяла у какой-нибудь подружки? Поносить денек-другой...

— Никто вам не звонил по этому поводу? — спросил капитан.

— Нет.

— Вот видите, и к нам никто не обращался. А люди, давшие на время такую ценность, узнав о гибели вашей жены, захотели бы вернуть серьги. Не правда ли?

Рахим Саидов опустил голову. Он оказался в двусмысленном положении. У жены его было столько секретов от него, она жила какой-то невероятной жизнью...

— Товарищ капитан, неужели?.. — Он залился краской.

Капитан догадался, что хотел сказать Рахим Саидов.

— Об этом я собирался у вас спросить. Вы ничего не замечали... в поведении жены? — задал он наконец главный вопрос.

Рахим Саидов еще ниже склонил голову. Нет, ничего особенного не замечал. А вот теперь холодной змеей заползало в сердце подозрение. Почти каждую неделю у нее красивое белье, дорогие туфли. Мунисхон радовалась, показывая их мужу. Рахим Саидов не придавал этому значения.

Он сказал виновато:

— Постоянная занятость... Работы много. Третий год уже бьемся над созданием нового препарата. Ухожу утром, возвращаюсь поздно вечером. Часто уезжаю. Ничего не замечал... такого.

Но в памяти всплыл один случай. Кажется, это было в начале осени. В тот день он рано вернулся с работы. Мунисхон дома не оказалось. Ему хотелось есть. Он зашел в кухню, открыл стоявшую на плите кастрюлю. Пахнуло прокисшей едой. В сердцах захлопнул крышку. Пришлось вскипятить чай и довольствоваться бутербродом... Потом включил телевизор. Передавали последние известия. За окном сгущались сумерки, жена все не возвращалась. Он начал беспокоиться. Закурил и, чтобы проветрить комнату, открыл форточку. Форточка задела ветку клена, и с нее сорвались желтые листья. Рахим Саидов следил, как они, кружась, опускались на влажную землю. У подъезда остановилась «Победа». Из нее вышла Мунисхон со свер-

тком в руках. С минуту она стояла, разговаривая с водителем. Рахим слышал ее смех. Потом вбежала в подъезд.

Рахим Саидов поспешил в прихожую встретить жену. Щеки ее покраснелись, дышала часто, видно, по лестнице поднималась бегом.

— Рахимджан-ака, извините, что задержалась! В магазине была, — быстро проговорила она и подставила щеку для поцелуя.

— Ладно уж. — Рахим подавил в себе гнев.

— Поели чего-нибудь? Я не успела ничего приготовить, — продолжала она извиняющимся тоном. — Сейчас пожарю мясо.

— Если сама не хочешь есть, не стоит. Я напился чаю.

— И я сыта. Поела шашлык. Рахимджан-ака! — Мунисхон обняла мужа. — Почему вы не спрашиваете, что я купила? Вам и дела нет, где ваша жена пропадает, да?

— Почему же, я начал беспокоиться, — сказал Рахим, легонько отстраняя жену. В ее голосе ему послышалась фальшь. И еще он подумал, что она старается казаться веселой, чтобы скрыть какое-то беспокойство. — И что же ты купила?

Мунисхон принялась торопливо разворачивать сверток, приговаривая:

— Ой, умопомрачительная вещь! Давным-давно я мечтала о такой! Английская кофта. Поглядите какая! — Мунисхон быстро надела кофту. — Вы только поглядите, как она на мне сидит! Наши девчонки лопнут завтра от зависти.

Может, кофта и в самом деле была «умопомрачительная», только Рахим не разбирался в этом. Чтобы не обидеть жену, он похвалил:

— Хорошая кофта. Тебе идет.

— Как будто на меня шита! Анатолий Назарович тоже так говорит!

— Кто это — Анатолий Назарович? — удивился Рахим Саидов.

— А это продавец. Славный такой. Взял с меня всего пятерку.

— За что?

— Как — за что! Разве такую вещь просто купить?! Только из-под прилавка и достанешь. Одна моя подруга через него все достает. И меня познакомила. Те мои французские туфли тоже Анатолий Назарович достал.

— Кто тебя подвез сейчас? — спросил Рахим Саидов, не удержавшись.

Какое-то мгновение лицо Мунишон было растерянным. Всего одно мгновение. Она тут же рассмеялась.

— Вай, вы, значит, видели? Анатолий Назарович. В его магазине кофт не оказалось. Пришлось ехать на склад. На обратном пути он подбросил меня к дому, — частила Мунишон. — Вай, неужели ревнуете? К такому-то страшили? Да ну его! Не стоит он того, чтобы о нем говорить... Ну, успокоились?

Рахим Саидов рассмеялся и кивнул. Мунишон звонко чмокнула его в щеку.

— О боже, я так устала! Пойду приму ванну.

Через полчаса она появилась из ванной, разомлевшая, в тонкой нейлоновой рубашке, сквозь которую просвечивало ее розовое тело. Рахим Саидов позабыл все, подхватил ее на руки...

Надо ли об этом говорить капитану? Рахим Саидов колебался. Подняв голову, увидел, что капитан все еще вопросительно смотрит на него.

— Был у нее один... знакомый, — глухо проговорил Рахим Саидов. — Продавец в магазине готовой одежды. Она иногда через него доставала дефицитные вещи. Анатолий Назарович...

— Вы его видели?

— Нет. — Рахим Саидов покачал головой и почувствовал, как сдавило сердце. — Нет, не может быть. Не может этого быть! Она же смеялась над ним.

— Мы с вами плохо знаем женщин, — невесело усмехнулся капитан. — Значит, говорите, Анатолий Назарович?

— У него есть «Победа». Однажды мою жену... Видел, как подвез ее.

Сказав это, Рахим почувствовал, как у него стали гореть уши.

— Можете припомнить, когда это было?

— В прошлом году. Осенью.

— А позже? Он никогда не бывал в вашем доме?

— Никогда! — с каким-то озлоблением сказал Рахим. — Сказал же вам: я его ни разу в глаза не видел!

— Еще вопрос. Скажите, вы женились по любви?

— Разумеется.

— А она?

— По-моему, она тоже... любила. Только с ее матерью отношения у меня были натянутые. Ей очень не хотелось, чтобы дочь после окончания института осталась в Ташкенте. Кроме того, у нее, видимо, был на примете более

выгодный жених для дочери. Во всяком случае, она была против нашей женитьбы. Но...

Капитан чуть подождал и напомнил:

— Вы что-то хотели сказать?

— Мунис ждала ребенка. И мать была вынуждена согласиться.

— Но у вас, кажется, нет детей?

— Не повезло нам... Роды были неудачные, чуть жива осталась Мунис.

— И вы ее упрекали?

— Никогда! Что вы! Я понимал ее, и она была мне за это благодарна...

— Вы часто надолго оставляли ее?

— Не очень часто. Раз в месяц на четыре-пять дней уезжал в командировку. Вначале она боялась оставаться одна. Мы приглашали ночевать мою маму, или она сама уходила в дом моих родителей. А позже оставалась одна, и я не настаивал, она не очень ладила с моей матерью... Мои командировки никогда не длились более недели.

— И последний вопрос. Вы никого не подозреваете?

Рахим Саидов долго молчал, прежде чем произнес:

— Даже не знаю. Если не брать во внимание того продавца...

— Анатолия Назаровича?

— Да. Если его отбросить, из тех, кого знаю, ни на кого не могу подумать.

— Благодарю вас. — Капитан поднялся с места и подал руку. — К вам просьба. Пройдите, пожалуйста, в соседнюю комнату и все, что мне только что рассказали, изложите письменно.

Лейтенант Султанов дал ему лист бумаги, ручку. Но Рахим вынул свою. Он сидел, думая, в каком все-таки нелепом положении он оказался! Несчастье, траур и... обман. Неужели Мунисхон, его любимая жена, лгала ему? Жила какой-то другой жизнью. Неужели же и смех ее, и ласковый взгляд, и то, как она выбегала ему навстречу, кидаясь в объятия, когда он возвращался с работы, слова, от которых голова кружилась, — неужели все это было притворством, лицемерием?

Рахим Саидов почувствовал себя таким униженным, таким оскорбленным! Он обхватил голову руками и крепко сжал ее.

— Вам плохо? — спросил лейтенант Султанов. — Принести чаю?

Рахим Саидов провел по лицу ладонями и кивнул. Ему хотелось остаться хоть на минуту одному, чтобы справиться с нахлынувшими чувствами.

Едва Султанов вернулся с чаем, его позвали к капитану.

В кабинете капитана Алиева сидел старший лейтенант Рузиев.

— Слушаю, товарищ капитан! — вытянулся Султанов.

— Запишите, Анварджан. Дома шахтеров. Магазин готовой одежды. Анатолий Назарович. Узнать, кто он, чем занимается, где живет. Словом, надо выяснить все, что касается его.

Когда лейтенант Султанов ушел, капитан попросил Рузиева продолжить доклад.

— Женщина, которая продает на Чорсу газированную воду, узнала ее, — сказал Рузиев. — По ее словам, Мунис Саидова на Чорсу появлялась довольно часто. Оттуда обычно шла в сторону Самаркандских ворот. Иногда задерживалась у ее будки, чтобы выпить. Поэтому-то запомнилась ей. «Я всегда ею любовалась, — говорит. — И сама симпатичная, и одета с иголочки».

— И всегда ее видели одну?

— «Слишком много, говорит, народу пьет у меня воду!» И при этом не смотрит в глаза. Чувствую, товарищ капитан, она видела кого-то с ней, да сказать не хочет. Или боится. Сержант Карабаев и сейчас там.

— Правильно сделали, что его оставили.

— В последний раз она видела ее в день убийства. В восемь вечера. Уже собиралась закрывать будку, когда она подошла и попросила стакан воды. Была взволнована и очень спешила. «В этот раз была одна!» — так и сказала. Я и поймал ее на слове. «Значит, раньше вы ее видели не одну?» — спрашиваю. Промолчала. Думаю, она все-таки покажет. Карабаев — дошлый парень, уговорит ее.

— Хорошо. С клочком газеты разобрались?

— Так точно, товарищ капитан. — Рузиев развязал тесемочки папки и вынул из нее картонку, к которой был аккуратно приклеен небольшой клочок газеты. В него была завернута коробочка с перстнем, найденная в сумке Мунис Саидовой. — Итак, это первая страница газеты «Вечерний Ташкент», верхний правый угол. За 20 августа этого года. Было нанесено несколько цифр карандашом. Видно, почтальон написал. Цифры стерлись, но эксперты установили, что написано «шестнадцать дробь сорок четыре». Скорее всего, это номер дома. Почтальоны обычно,

сортируя газеты и журналы, пишут номера домов и квартир. Но какой именно почтальон это написал, кто подписчик, по какой улице живет — этого пока выяснить не удалось.

Появилась секретарша.

— Товарищ старший лейтенант! Вас сержант Карабаев спрашивает.

Из радиорубки раздался голос Карабаева.

— Капитан Алиев слушает. Говорите.

— Докладываю из оперативного отдела с Чорсу. Женщина, продающая воду, опознала. Мужчина средних лет. Мной сфотографирован. Подъехал к будке на «Москвиче», купил ящик пива и въехал на территорию рынка. Номер машины записал. Товарищ капитан, жду распоряжений!

— Что вам сказала эта женщина?

— Когда он выходил из машины, она незаметно кивнула мне. И только. Она страшно испугана. По всему, он к ней навевался неспроста. Пиво — только повод... Вот она поспешно закрывает будку.

— При вас машина?

— Нет, я на мотоцикле.

— Воспользуйтесь такси или частной машиной и следуйте за «Москвичом». Фотопленку немедленно пришлите мне.

— Есть!

— Связь закончена. Следите за «Москвичом».

Капитан выключил радиорубку.

— Итак, знакомство она водила преимущественно с людьми состоятельными. У одного «Победа», у другого «Москвич». Не удивлюсь, если и с «Волгой» кто-нибудь обнаружится.

Капитан Алиев щелкнул зажигалкой и, раскурив сигарету, глубоко затянулся.

— Не могу понять я некоторых людей. Все пять пальцев стараются записать в рот одновременно. Спрашивается, чего не хватало этой женщине? Побрякушек? Разве нельзя существовать без них?.. Да я уверен, лет через пять-шесть она не знала бы, куда девать деньги. Видели ее мужа? Порядочный, а главное, умнейший человек. Перспективный. Правду, видно, говорят: ум имеет предел, а глупость безгранична.

— Может, муж у нее только... гм, для отвода глаз? — заметил Рузиев.

Капитан махнул рукой, будто отметая все, что мешает сосредоточиться на главном.

- Нам неизвестна одна частность...
- Какая? — спросил Рузиев.
- Где она была до того, как оказалась на Чорсу? Вспыхнул зеленый глазок радиорубки.
- Слушаю! — отозвался капитан Алиев.
- Товарищ капитан! «Москвич» выехал с рынка и направился в сторону Самаркандских ворот! — доложил Карабаев.
- Ого, это уже интересно. Продолжайте наблюдение. Постарайтесь остаться незамеченным.
- Он остановился! Я проеду мимо, а потом вернусь.
- Вы на чьей машине? Водитель в курсе дела?
- Да. Общественный автоинспектор... Вот он заехал в голубые ворота! Еду за ним. Приближаюсь. Номер дома — шестнадцать дробь сорок четыре! Какие будут дальнейшие указания, товарищ капитан?
- Алиев взглянул на Рузиева, который от волнения крепко потирал руки.
- Затем приказал:
- Возвращайтесь на пост!
- Слушаюсь, товарищ капитан!
- Кончик клубка найден! — Капитан живо встал с места. Начнем разматывать. Вы знаете, что делать?
- Да, — ответил Рузиев.

5

Рахим Саидов медленно шел через сквер Революции. Солнечные лучи не могли пробиться сквозь густые кроны могучих кленов. Здесь было прохладно. Еще не совсем просохли политые утром дорожки. А там, где листва пореже, просочились сверху лучи света и устлали землю золотыми монетками. В это время дня не очень многолюдно.

Рахим Саидов вышел к кафе «Дружба». Сквозь стеклянные стены виден пустой зал с рядами столиков, накрытых белыми скатертями. Между столами прохаживается официантка, вставляя в стаканчики бумажные салфетки. И ни одного посетителя. Это даже лучше. Рахим Саидов был бы рад сейчас никого не видеть. Ушел бы в горы, в лес — куда угодно, только бы не видеть никого и не слышать. Многое сейчас он воспринимает по-иному, будто прежде смотрел не своими, чужими глазами. То, что сейчас он узнал, перевернуло в нем все, обратило в пепел добрые чувства. Когда же это могло случиться?.. Ему не

хотелось верить в это. Но факты! Факты — вещь упрямая. Кто же просто так станет дарить дорогие вещи!

Рахим Саидов занял место за столиком под разве-
систым олеандром. Подошла молоденькая официантка.

— Бутылку шампанского, пожалуйста. И если можете,
составьте мне компанию.

— Я на работе, не полагается.

— В самом деле, вы же на работе. Как я сразу не до-
гадался? — Рахим Саидов посмотрел на свои часы. Все
люди уже давно на работе. И ему следовало быть в инсти-
туте. Там сегодня завершают сложный опыт. А впрочем,
его присутствие теперь необязательно. Он свое сделал.
Препарат, можно считать, готов. Дело за Хафизом. Как он
сейчас там? Все-таки, конечно, сейчас ему, Рахиму Саи-
дову, лучше бы находиться рядом с другом. Ладно, поси-
дит немного, придет чуть-чуть в себя и поедет в институт.

«Был бы такой аппарат, — с горечью подумал Рахим, —
нажимаешь на кнопку — и узнаешь, что у человека на
душе. Насколько уменьшилось бы на земле обманутых
людей. Да, недурно бы изобрести такую штуковину...»

Рахим даже отчетливо представил себе этот аппарат.
Миниатюрный, со спичечный коробок. Можно носить
в кармашке для часов. Чувствительная мембрана реаги-
рует на удары сердца стоящего рядом человека. Пожа-
луйста, жми на кнопку и слушай его сердце. Говорят же,
что сердце не обманет.

Давно Мунис стала его обманывать? Когда он в первый
раз услышал имя Анатолия Назаровича? В прошлом году.
Осенью.

Рахим не сразу заметил официантку. Она поставила
перед ним фужер на длинной ножке и откупорила бутыл-
ку. Открыла блокнот и, что-то вписав карандашом,
сказала:

— Пожалуйста, рассчитайтесь сразу. Боюсь, что потом
с вами будет трудно объясняться, — дерзко пошутила де-
вушка.

Рахим усмехнулся. В другое время он возмутился бы.
А сейчас его чувства была притуплены. И как ни странно,
эта резкая девушка почему-то нравится. Резкость ее была
напускной, вполне соответствовала ее по-девчоночьи на-
ивному лицу. Задиристый носик, широко распахнутые
глаза. Своим звонким голоском она отвлекла его от мрач-
ных мыслей.

— Вы должны хотя бы пригубить. Сегодня я... Родился
я сегодня, понимаете?

— Ах, у вас день рождения? А я-то думала...

Она сбегала за фужером. Рахим Саидов наполнил его.
Спросил:

— За что выпьем?

— Вы же сказали, — насторожилась девушка, — что день...

— Ах да!

Рахим Саидов выпил до дна, до последней капли. Девушка пригубила, пожелав ему счастья. А будет ли он когда-нибудь счастлив?

— А я, как вас увидела, даже испугалась, — призналась девушка.

— Почему? — удивился Рахим.

— Думала, вы с утра уже где-то... Взгляд у вас был такой — понимаете? — как у пьяного.

Рахим провел по лицу ладонью.

— Дела у меня, сестренка, не совсем ладны. Спасибо вам.

— За что?

— Поговорил с вами, и легче стало.

Рахим попрощался с девушкой и вышел на улицу. Славная девушка. Ему даже показалось, что она чем-то похожа на Мунис.

Первая волна гнева отлила от сердца. Сейчас он уже обвинял себя в том, что проглядел жену, что мало уделял ей внимания. И вдруг вспомнились слова капитана: «Вы знаете всех ее знакомых? Вы ничего необычного не замечали в поведении жены? Вы никого не подозреваете?»

Какой стыд! И никому не расскажешь, чтобы облегчить душу. А может, все это только беспочвенные предположения? Их метод работы такой — выдвигать всякие версии. Неизвестно же им, кто хорош, а кто плох. Они вынуждены подозревать всех, кто попадет в поле их зрения. Такая работа... Ведь во время беседы с капитаном он почувствовал даже, что тот подозревает его самого, Рахима Саидова. А значит, возможны ошибки. Так рассуждая, Рахим немного успокоился. Но состояние успокоенности мгновенно покинуло его, как только вспомнил о драгоценностях.

Чьи же все-таки эти драгоценности? Как они попали к Мунис? Может быть, в день похорон хозяева колец и серег не посмели тревожить его вопросами? Никто и полусловом не обмолвился, припоминает Рахим Саидов. Может, явятся еще, и тогда все объяснится, имя Мунис очистится. А что, если самому порасспрашивать всех? В этом нет ничего зазорного. Только звонить по телефону

все-таки удобнее из дому, чем с работы. Рахим Саидов раздумал ехать в институт и направился домой.

Мухаббат, младшая сестренка, поселилась на время у него. Может, она что-нибудь знает? Подумав об этом, Рахим Саидов ускорил шаги. Мухаббат, в отличие от матери, дружила с Мунис. Мунис тоже ее любила. Даже дарила ей свои вещи.

Рахим Саидов отпер дверь и вошел. Сестра сидела на кухне, готовилась к семинару.

— Ну что?

— Обычные вопросы.

Рахим Саидов посмотрел на сестру и раздумал ее спрашивать. Если бы она что знала, сказала бы сама. А ему лишь еще более стыдно станет и горше. Зачем втягивать Мухаббат, которая с давних пор боготворит своего брата, в такую нечистую историю?

— Портфель дома оставил, — придумал он. — Пришлось вернуться, чтобы взять кое-какие бумаги. — И ему стало неловко, что приходится лгать. — Ты почему не на занятиях?

— У нас сегодня не будет первой лекции. Преподаватель заболел...

— Поторопись, а то и на вторую опоздаешь.

Рахим Саидов ушел в свой кабинет. Когда за сестрой захлопнулась входная дверь, Рахим Саидов вышел на кухню, где был телефон. Сперва он позвонил Фариде. Она была наиболее близкой подругой Мунис. Он схватил записную книжку и отыскал страницу с буквой «ф». Пробежал взглядом торопливо и неразборчиво написанные Мунис телефонные номера. Указательный палец задержался у надписи «Фар». Пожалуй, этот. Поспешно набрал номер.

— «Интурист»? Будьте любезны, Фариду. Это вы? Здравствуйте. Рахимджан говорит. Как поживаете?

— Спасибо. Как вы? — спросила Фариде, видно стараясь разгадать, что послужило причиной его звонка.

— Ничего. Около вас есть кто-нибудь? — осведомился он и тут же подумал: «А какая разница!»

— Никого. А что? У вас секреты? — И голос Фариды зазвучал вкрадчиво.

— Нет, нет, я просто так. Фариде, Мунис у вас ничего не брала?

— Я вас не понимаю. Что, к примеру?

— Ну, там, серьги, перстень...

— Не-ет. А почему вы спрашиваете об этом, Рахимджан-ака? У вас что-нибудь пропало?

— Наоборот, нашлось.

— Что?

— Перстень, — вынужден был признаться Рахим Саидов. — Серьги с бриллиантовыми камешками.

— Ой, что вы, Рахимджан-ака! Это же ее серьги! Маленькие такие, по форме похожие на фиалку, да?

— Да, похожи...

— Ой, разве вы забыли?! Вы же сами их купили ей!

— Я?! — удивился Рахим Саидов.

— На Восьмое марта, помните? Она в тот же день показала их мне и похвасталась, какие муж делает ей подарки. Я даже знаю, где их купили. Сказать?

— Где? — Рахим Саидов почувствовал, как покрывается потом.

— На Урде! Правильно? — засмеялась Фарида. — Вы тогда с ней зашли случайно в магазин, и Мунисхон очень понравились эти сережки.

— А перстень? — сдавленным от волнения голосом спросил Рахим Саидов.

— Что? Плохо слышно! Алё, алё!..

— Про перстень спрашиваю. Может, тоже...

— Какой перстень?

— Золотой, с большим рубином.

— Не знаю. Я такого не видела у нее.

— Извините, — пробормотал Рахим Саидов. — Значит, у вас она ничего не брала?

— Нет, Рахимджан-ака.

— Благодарю.

Он положил трубку. Посидел в растерянности. Оказывается, он сам «купил» эти серьги, которые никогда не видел.

Кому же еще позвонить? С кем она еще дружила? Зубайда! Они вместе учились. Но с этой женщиной Рахим Саидов виделся всего два раза, не больше. Зубайда несколько раз бывала у них в его отсутствие. С Мунис они чаще встречались вне дома.

Рахим Саидов разыскал в книжке телефон. Позвонить? Попытка не пытка. Можно рискнуть. Набрал номер.

— Пригласите, пожалуйста, Зубайду.

— Кто ее спрашивает?

— Знакомый.

— Извините, но знакомых у нее чересчур много, а телефон один — на моем столе. Что ей передать?

— Я вас очень прошу. Мне необходимо поговорить с ней лично.

В трубке послышались вздох, потом звуки удаляющихся шагов. Скоро он услышал красивый грудной голос:

— Я слушаю.

— Здравствуйте. Вас беспокоит Рахим Саидов.

— Кто?

— Рахим Саидов, муж Мунисхон.

— А-а, здравствуйте, Рахим-ака! Я вас слушаю.

— Хочу у вас спросить кое-что. Мунис... у вас ничего не брала?

— А что, Рахим-ака? — В ее голосе послышалась тревога.

— Нашел кое-что в доме. Не знаю, у кого она могла взять.

— Если это журналы, умоляю вас, никому не показывайте! Мунис выпросила их у меня всего на денек.

— Нет, это не журналы.

— Что же тогда? — удивилась Зубайда.

— Перстень.

— Ах, перстень! — расхохоталась Зубайда. — А я-то думала... У меня всего два перстня, и оба на руке. А какой?

— Золотой. С рубином. Я думал, он ваш.

— Нет, не мой. Может, спросить подруг? У Хадичи, помнится, был подобный перстень.

— Кто она?

— В инязе работает. Мы вместе учились.

— Спросите, если не трудно. Мне подождать?

— Я вам позвоню.

У Рахима Саидова разболелась голова. Хадичу он ни разу не видел. И Мунис, кажется, ничего о ней не говорила. Но не исключено, что он просто забыл.

Голова разламывалась. Он открыл форточку. Сел у окна на стул и закурил. Они, кажется, ни о чем не догадались. Ни Фарида, ни Зубайда. Ну и что с того, что догадываются? Может, они знают и... знакомых Мунисхон? Нет, нет, об этом спрашивать нельзя! Уж лучше провалиться сквозь землю. И потом, они ни за что не скажут, если даже знают что друг про друга. Может, вместе развлекались?

Рахим встряхнул головой, как бы желая отогнать от себя этот кошмар. «Нет, не может быть! — думал он, стараясь себя успокоить. — Им ничего не известно. Мунис... Она была скрытная».

Зазвонил телефон.

— Рахим-ака? Зубайда говорит. Я разговаривала с Хадичой. Это не ее перстень.

— Извините, столько доставил вам хлопот!

— Что вы, разве это хлопоты? — Зубайда помолчала, видно размышляя над чем-то. — Рахим-ака, а может, это перстень Муниسخон?

— Может быть... Конечно, скорее всего, так и есть.

Есть ли смысл звонить дальше? Проклятый перстень! Не могла же она его найти на дороге. Рахим попытался все спокойно продумать и путем логических сопоставлений прийти к определенному умозаключению. Но мысли вновь и вновь возвращали его к тому, на что недвусмысленно намекнули в милиции.

Вдруг он бросился в спальню и застыл посреди комнаты. Здесь все было как при жизни Муниسخон. Только на тумбочке трельяжа нет больше флакончиков, пестрых коробочек.

Рахим шагнул к шкафу и открыл дверцу. Почти все в нем — наряды Муниسخон. Белые, желтые, коричневые платья... Некоторые Рахим Саидов видел, а о существовании кое-каких и не подозревал. Мохерова кофта, костюмы из джерси... Вон висит и та черная английская кофта. Рядом пальто. Три пальто. Шуба. На полках — аккуратно сложенное тряпье. Что это, Рахим Саидов даже не знает. Но все вещи еще хранят запах ее тончайших духов.

Рахим Саидов опустил на корточки и стал перебирать нижние ящики. В первом ящике он обнаружил носки, чулки. Второй был забит всевозможными тканями, из которых жена шила себе платья. Выдвинул самый нижний ящик. Он был доверху наполнен тесемочками, лентами, катушками ниток и всякой всячиной. Он разгреб это и увидел черную шкатулку с тремя русскими богатырями на крышке. Красивая шкатулка палехской работы. Это подарок жены Хафиза. Он открыл шкатулку, поверх пуговиц лежало ожерелье. Это ожерелье он видел раньше. «Поглядите, похоже на настоящий жемчуг, — сказала Муниسخон, когда принесла его. — Настоящий знаете сколько стоит? Пятьсот шестьдесят рублей — всего одна нить! А это — две нити четыре рубля. По виду же ничем не отличается от настоящего... Но уж, дорогой муженек, когда станете доктором наук, купите настоящий».

Спустя несколько минут Рахим Саидов был в ювелир-торге на Урде. У прилавка стоял знакомый продавец. Заметив, с какой торопливостью Рахим Саидов вошел в магазин, он огорченно воскликнул:

— Какая досада! А я только вчера то кольцо продал, все ждал вас, поверьте.

— Я... по другому делу... Вот это... — Рахим Саидов извлек из кармана блестящий, переливающийся моток, протянул на ладони. — Это жемчуг или подделка?

Продавец долго рассматривал ожерелье.

— Это, конечно, жемчуг, — сказал он наконец. — Собираетесь купить или продаете?

— Покупаю... — дрожащим голосом произнес Рахим.

Рахим, едва передвигая ноги, направился к выходу. Теперь-то ему было ясно все. Он обманут! Мунис, любимая жена, ему лгала. Стало жарко, будто внутри вспыхнул огонь. Сел на скамейку и обхватил голову руками. Его трясло как в лихорадке. Долго сидел он неподвижно. Что делать? Ну что же ему делать?

Для начала он должен себя взять в руки, успокоиться. Вот так. Несколько глубоких вдохов — и придет успокоение.

Да, он должен успокоиться и все продумать. Жемчуг, серьги, перстень... Что еще обнаружится?

Вернувшись домой, он позвонил.

— Хафиз? Это я, Рахимджан.

— Здравствуй, дружище. Что не пришел?

— Ты мне очень нужен.

— Я весь внимание, говори.

— По телефону не могу. Можешь приехать ко мне?

— Вот только отпущу лаборантов. Могу тебя обрадовать. Коробочки на кустах, подкармливаемых нашим препаратом, открылись. Крупные, по шесть-семь граммов. Если и на опытном поле получим такие же результаты, считай, наша взяла!

— Превосходно. Я рад... Так ты приедешь?

— Минут через двадцать буду.

Рахим Саидов обыскал всю квартиру. Заглядывал во все углы и щели. Переворочил все в ящиках трюмо. Перелопачивал бумаги в письменном столе. Но ничего больше не нашел.

Появился Хафиз.

— Не вчерашний день ищешь? — пошутил он.

— Драгоценности.

— Ого! У тебя их столько, что не знаешь, где хранятся?

— Мунис мне оставила огромное наследство, — проговорил Рахим Саидов и горько усмехнулся.

— Ладно, шутки в сторону. Зачем ты звал меня?

— Для того и позвал, чтобы показать наследство.

Хафиз несколько мгновений недоуменно смотрел на друга.

— У тебя не бред?

— В детстве я слышал одну притчу, — начал Рахим. Он наполнил два фужера пивом, один придвинул Хафизу. — Жила старуха, бедная из бедных. Однажды явился к ней во сне пророк добра Хизр и молвил: «Ступай на базар, купи черную курицу. Да не вздумай торговаться!» Чуть свет побежала старуха на базар. Отыскала там черную курицу без единой светлой крапинки. Сколько за нее попросили, столько и отдала, возвратилась домой к себе с покупкой. И начала та курица нестись. Что ни яичко, то драгоценное, золотое или алмазное. Здорово!

— Здорово-то здорово, а к чему ты мне это рассказываешь?

— Вот и мне попалась такая курица...

— Что ты все к аллегориям прибегаешь! — рассердился Хафиз. — Говори толком!

Рахим Саидов вынул из кармана жемчуг.

— Тысяча рублей!

— Ну и что? — проговорил Хафиз.

— Нашел у себя дома! Нашел, понимаешь?.. Это ее, Мунис! В милиции тоже... всякие там серьги, перстни!

— Ну и что же? — повторил Хафиз.

— Где она взяла их? На какие деньги купила?

Хафиз только теперь понял, куда клонит Рахим.

Рахим Саидов стукнул о край буфета кулаком.

— Съезжу в Коканд. Может, все это ей мать надарила? — с надеждой сказал он. — Я знаю, что эта старая лиса многое скрывает от своего мужа и дочь этому учила...

— Конечно, съезди. Может, так оно и есть, — обрадовался Хафиз. — Я провожу тебя. И знаешь, не надо думать плохо.

Хафиз обнял Рахима за плечи. Они вышли на улицу. Им подвернулось такси. Ехали молча, пока Рахим Саидов, повернувшись к Хафизу, не спросил в упор:

— Скажи честно, ты ничего не замечал?

— Что именно?

— Да не притворяйся! — озлился Рахим.

— Нет. Не замечал.

— А жена? Она тебе никогда ничего не говорила?

— Нет, не говорила. Но Вазира твою жену недолюбливала. Не знаю почему, но это так.

— Может, знала про нее что?..

— Вот тебе мой совет: никого не слушай. Может, твои подозрения беспочвенны.

У Хафиза в аэропорту оказались знакомые. Велев Рахиму Саидову ждать у входа, он зашел в международный отдел и вернулся с билетом.

Через два часа Рахим Саидов был в Коканде.

Родители Мунисхон жили в центре, неподалеку от театра. Рахиму издавна нравился этот уютный город. И не только потому, что жена его была родом отсюда. Сам город очаровывал тишиной и необыкновенно яркой зеленью. Вечерами, когда выходишь погулять на свежем воздухе, прямо в центре можно услышать пение соловья. Рахим восхищался седобородыми стариками, разъезжающими на велосипедах. Иногда они с тестем отправлялись в одну из ближайших чайхан и заказывали плов из девзиринского риса. Кокандцы, как никто другой, любят посидеть в чайхане. Здесь в каждой махалле имеется своя чайхана. Кроме того, каждый кокандец имеет в ней свое излюбленное место. Убайдулла-ака считал самой лучшей в городе чайханой ту, что в махалле Теракзор — Тополиная роща. Там под сенью высоких, в три обхвата, серебристых тополей стоят семь или восемь сури — помостов, сколоченных из досок. Рядышком протекает арык. Вокруг всегда полито, чисто подметено. И тишина. Кто ни придет сюда, забывает, что живет в городе.

Тесть несколько раз водил туда Рахима и сам готовил плов. Плов у него получался отменный. Каждая рисинка — что жемчуг. Тьфу ты! Проклятый жемчуг не выходит из головы.

Тесть был дома. Он стоял на складной лестнице и обертывал бумагой кисти зреющего винограда — от птиц. Увидев зятя, осторожно спустился вниз.

— Добро пожаловать, сынок! Здоровы ли сваты?

— Здоровы. Передают привет... — механически отвечал Рахим, мучительно думая над тем, как приступить к тому, ради чего приехал. — А где же мать?

— За хлебом пошла. Сейчас придет. Ну, как там... в Ташкенте?

Рахим Саидов понял, что хочет услышать старик. После поминок он собрался было ехать в Ташкент — хотел зайти в милицию и узнать, не найден ли убийца его дочери. Рахим тогда отговорил его, пообещав, что сам зайдет

и обо всем узнает. Не хотелось ему, чтобы старик пережил все заново.

Рахим рассказал о своем сегодняшнем посещении милиции.

— Они интересовались знакомыми Мунис...

— Какими знакомыми? — спросил Убайдулла-ака.

— Которых я не знал, — проговорил Рахим, пряча глаза.

— У нее разве были такие?

— Наверное, были... Мне очень в это не хочется верить, отец, но это так. И в милиции хотят выяснить, у кого она была в тот день. Я рассказал все, что знал.

— А как же иначе, правильно сделали. Выпейте-ка чаю, не волнуйтесь. — Убайдулла-ака снял со стоящего на хантахте чайника стеганный колпак и налил в пиалу чаю.

Кажется, наступил удобный момент, чтобы начать главный разговор.

— Я приехал, чтобы вместе подумать, — ответил он.

— Ну...

— У Мунис обнаружили дорогие вещи. Очень дорогие. Перстни, серьги... Мне показали их. Я этих вещей прежде у нее не видел. Где она могла взять эти вещи? Может быть, ей мать подарила? И еще... дома я нашел вот это.

Рахим положил перед тестем нити жемчуга. Старик долго разглядывал ожерелье.

— Почему же вы у нее не спрашивали, где взяла?

— Спрашивал. Сказала, что это подделка и стоит копейки.

Убайдулла-ака нервно мял бороду. Да, было над чем поразмыслить. Еще ребенком его дочь, бывало, своего не упустит. В этом она была копией матери. У матери она переняла страсть к тряпкам, украшениям.

Узнав, что дочь собирается замуж за ташкентца, Убайдулла-ака обрадовался. «Пусть поживет вдали от матери, самостоятельная жизнь пойдет ей на пользу», — решил он. Долго пришлось спорить с женой, убеждать. Наконец она сдалась.

Рахим ему сразу понравился. Он радовался за дочь — она была надежно пристроена. Но размышлял порой о том, что Мунис надо бы мужа властного, который смог бы крепко держать ее в узде.

Видя, какой заботой и вниманием Рахим окружил свою жену, старик еще больше полюбил своего зятя. Когда завязывался разговор о жизни, редко случалось, чтобы он не похвалил Рахима. А жене советовал: «Скажи дочери, та-

кие мужья на дороге не валяются. Деньги — это нужная вещь. Но на свете есть кое-что и подороже денег: честь, ум, культура. А знает ли дочка твоя о существовании таких понятий?..» — «Вай, как не совестно говорить такое о собственной дочери! — возмущалась жена. — Молодая, вот и хочется ей одеться. А того, о чем вы толкуете, тоже в моей доченьке предостаточно. Если сложить в мешок, завязать не сможете!»

Много слов — то же, что лишний груз для ишака. Убайдулла-ака не любил лишних слов. Знал: если жена разговорилась, трудно ее остановить. И умолкал. Появилась хозяйка. Как она изменилась! Рахим встал, пошел ей навстречу.

— Рахимджан, добро пожаловать, сынок!

Теща обняла его и, уткнувшись лицом в грудь, всхлинула.

— На какие черные дни я обречена! Хорошо, что вы приехали. Я словно доченьку увидела!.. Вай, доченька моя! В какую комнату ни зайду, голос ее слышу, веселый смех, сердце мое так и замирает. Может, это все неправда, а, Рахимджан?!

— Правда. К сожалению, это правда.

— А преступников-то еще не нашли, — вмешался Убайдулла-ака. — Сегодня Рахимджана вызывали...

— Что мне с того, что их найдут? Доченька-то моя все равно не воскреснет. — Мать снова заплакала.

Убайдулла-ака положил перед ней ожерелье.

Старушка вздрогнула и растерянно заморгала глазами.

— Чье это?

— Твоей дочери.

— Мунис? У нее не было жемчуга. Или, может, вы купили? — обернулась она к зятю.

— Сама...

— Он же стоит больших денег! Где она их взяла?

— А ты не давала? — спросил Убайдулла-ака.

— Вай, что вы! Откуда у меня такие деньги? А в чем дело? — забеспокоилась она, видя, как разволновался муж и еще больше понурился зять.

— Может, ты все-таки дала ей деньги? Одолжила у кого-нибудь?

— Пусть накажет меня аллах, если вру! За всю жизнь вас ни разу не обманула, стану ли на старости лет грех на душу брать?

Воцарилась неловкая тишина. Рахиму сейчас больше всего хотелось встать и уйти. Но не мог он оставить ста-

риков в таком состоянии. Он чувствовал вину перед этими несчастными стариками. Зачем? Зачем он приехал выяснять то, что, в сущности, теперь уже не имеет значения? Ведь они не знали ничего и ни в чем не повинны. Мунис все держала в тайне, никого не посвящала в свои дела.

— Извините, я не хотел...

— Вы не виноваты.— Убайдулла-ака покачал головой.— При чем тут вы?

— Я виноват, отец.— Рахим тяжело вздохнул.— Я очень виноват. Проглядел я Мунис.

Убайдулла-ака по-своему рассудил:

— Вы дали ей свободу, а она плохо ею воспользовалась. Сынок, не надо мучить себя. Вам тяжело, но мне во сто крат тяжелей. Я гордился, что у меня дочь красивая, образованная. Неделю назад лишился дочери, а сегодня лишился права гордиться.

Рахим удивился. Где этот старый человек находит мужество и добрые слова? Хотелось сказать ему в ответ что-нибудь доброе, чтобы утешить, да разве есть такие слова?

Рахим поднялся с места:

— Мне пора.

— Ох, что же это я, старая, и чаю не поставила? — засуетилась теща.

— Спасибо, мне не хочется. Надо успеть утром на работу.

— Я провожу, только как вы поедете? Рейсов-то сегодня на Ташкент уже не будет. Правда, в аэропорту обычно бывают такси.

— Поехали в аэропорт.

Действительно, долго ждать не пришлось.

Подкатило такси и, скрипнув тормозами, остановилось перед ними. Рахим открыл дверцу:

— В Ташкент поедем?

— Садитесь!

Уютный маленький Коканд погружался в темноту. Миновали несколько узких темных улиц и оказались на главном шоссе.

Рахим не заметил, как они миновали Пунган. Впереди сквозь фиолетовую темень проступали очертания гор. Когда Рахим ощутил обжигающий тело холод, понял, что они приближаются к перевалу. Рахим, поеживаясь, растирал руками плечи.

— На заднем сиденье пиджак,— сказал водитель.— Набросьте на себя.

Рахим послушался.

— Видно, очень спешите, что не захотели ждать утра? — полюбопытствовал водитель.

— Да. Срочно надо в Ташкент.

— Курите.— Он протянул пачку сигарет.— К часу ночи будем на месте.

Рахим хотел сказать, что не имеет значения, к какому часу они будут на месте, лишь бы успеть к началу рабочего дня,— дома его все равно никто не ждет. Но промолчал.

— Не проголодались? — спросил водитель, указав на чайхану.— Здесь и ночью можно поесть. Остановимся?

— Можно.

Оставив машину на обочине, зашли в чайхану.

Рахим занял место в углу. Чайханщик, проворный паренек, тотчас принес чай и кусковой сахар.

— Есть будете? — спросил он.

— Принеси два лагмана.

Шофер подошел, когда Рахим уже успел выпить пиалу крепкого зеленого чая. Приятное тепло разлилось по телу.

— Поедим и покатаем дальше. Доставлю вас прямо к порогу вашего дома.

Паренек-чайханщик принес две полные касы лагмана.

— Здесь хорошо готовят,— заметил шофер.— Ешьте... Я очень люблю лагман. Моя покойная жена здорово его готовила.

Рахим удивленно взглянул на шофера. Ему, верно, и сорока еще нет.

— Четыре месяца назад умерла. Пятерых детишек мне оставила. Трое, можно сказать, уже самостоятельные. Школьники. А двое еще совсем младенцы. Один в детский садик ходит, другой в ясли. Что вы задумались? Ешьте! На свете, знаете, нет никого выносливей человека. Думал, умру с горя. Но взял себя в руки. Живу вот, и дети растут. А что было бы, если бы я раскис?.. Ну, что же вы не едите?

— Сыт уже.

Шофер отодвинул от себя пустую касу.

— Тогда поехали.

Рахим проникся симпатией к этому человеку. Ему тоже хотелось рассказать о себе, о своих страданиях. Он потерял не только любимую жену. Он веру в нее потерял, а это не менее тяжелая утрата. Но Хафиз, верно, прав: не следует говорить плохо о тех, кто ушел из жизни.

Луч света неожиданно выхватил из темноты белую скульптуру льва.

— Остановитесь, пожалуйста!

Машина резко затормозила у края дороги. Рахим вышел. Здесь он впервые увидел Мунис. Он и сейчас видел ее такой, какой она была тогда. Ветер теребит на ней платье. Обернулась, ослепительно улыбаясь. Стройная, красивая.

Он провел по лицу рукой. Видение исчезло. Перед ним на постаменте каменный лев с отбитой передней лапой. А вокруг тихо. Моросит дождь.

Водитель посигналил.

Рахим зашагал к машине.

6

Капитан Алиев сличил фотографии, доставленные сержантом Карабаевым и лейтенантом Султановым. Оказалось, что человек, живущий в доме 16/44 в махалле «Самаркандские ворота», и старший товаровед магазина Анатолий Назарович Аллаяров — одно и то же лицо. Как выяснил лейтенант Султанов, он работает немногим более трех лет. В коллективе пользуется уважением. С его приходом магазин стал перевыполнять план. Сотрудники в один голос говорили, что Анатолий Назарович — общительный, деловой и очень дисциплинированный человек.

Сведения, собранные в махалле, где Аллаяров проживает, показали, что этот человек не должен вызывать подозрений. Четыре года назад поселился он в махалле «Самаркандские ворота». Откуда приехал, где до этого проживал — этого председатель махаллинской комиссии сказать не мог. Скромный человек махаллинский активист. Охотно участвует во всех мероприятиях. В прошлом году он для махаллинской чайханы раздобыл двадцать фарфоровых чайников и сотню пиал, которых сейчас днем с огнем не сыщешь. «И представляете? Ни копейки не взял!» — восхищался своим активистом председатель махаллинской комиссии. Рассказал, что с ним живет мать. Старенькая. Слепая, бедняжка. Сидит дома, никуда не ходит. Сам Тулаходжа попросил не беспокоить мать, когда ее однажды пригласили на той.

Вот как его на самом деле зовут — Тулаходжа.

Капитан Алиев показал фотографию Аллаярова дворничихе с Чорсу. Не он ли и есть тот человек с черным портфелем? Дворничиха долго разглядывала фотографию. И решительно сказала:

— Он! Узнала я его... Он. Ах, убийца!

— Ну, зачем вы так? Рано ругать человека, — заметил капитан. — Если мы вам устроим встречу, вы подтвердите, что видели тогда именно его?

— Конечно! Думаете, испугалась? Я и мужа своего, царство ему небесное, не боялась!

Капитан перебил ее:

— Завтра к одиннадцати пришло за вами машину.

— Вы на него думаете?

— Ничего еще не известно. Может, он просто ее знакомый.

Аллаяров явился в точно назначенное время.

— Проходите, гражданин Аллаяров, прошу вас! — пригласил капитан, указывая на кресло, стоявшее по другую сторону его стола.

— Благодарю.— Аллаяров сел. Голос его был низкий, спокойный.

— Вам известно, почему мы вас вызвали?

— Всю ночь ломал голову, товарищ капитан, но так и не взял в толк...

Аллаяров сделал попытку встать, но капитан жестом остановил его:

— Сидите, сидите. Вы курите? Прошу...— Алиев придвинул к нему портсигар.

— Спасибо, не курю.

— Мы вас пригласили по делу Мунис Саидовой,— сказал капитан, внимательно глядя на собеседника.— Вы с ней были знакомы.

— Мунис Саидова, говорите? Впервые слышу это имя. Кто она, могу я узнать?

— Разумеется. Одна из постоянных покупательниц вашего магазина. Вы лично помогали ей приобретать кое-какие вещи.

— Извините, не могу вспомнить.— Аллаяров сконфузился, улыбнулся.

— Неужели не помните? Такая красивая, приметная женщина.

— Наш магазин на людном месте. Столько покупателей перебивает в нем за день, товарищ капитан. Особенно женщин...

— Эту женщину не узнаете? — Капитан протянул Аллаярову фотографию.

— Такое впечатление, что я ее встречал.— Аллаяров внимательно рассматривал фотографию.— Пожалуй, видел. И наверное, в нашем магазине. Это Саидова?

— Да,— капитан взял у него фотографию.— Значит, видели, и скорее всего, говорите, в магазине?

— Да-да, скорее всего... Что-то случилось, товарищ капитан? Что-нибудь серьезное?

Капитан Алиев не ответил. Щелкнул зажигалкой, раскурил погасшую сигарету.

— Ах, женщины, женщины, всегда из-за них столько хлопот... — проговорил Аллаяров. — Сколько раз давал себе зарок быть глухим к их просьбам, но... характер слабый.

— Что просила у вас Саидова?

— Да сейчас уже и не припомню, товарищ капитан.

— Значит, вы с ней не были знакомы? Только где-то, скорее всего в магазине, видели? Так?

— Именно так, товарищ капитан. А в чем все-таки дело? — Аллаяров потянулся через стол, заговорщически взглянул на капитана. — Натворила что-то?

— Она убита.

— Что вы! Когда?

— В ночь на двадцать первое августа.

Аллаяров отвел глаза.

— Надо же! Молодая такая... — Он скорбно покачал головой. — И дети есть?

— Только муж.

— Ах, жаль беднягу... Убийцу не удалось разыскать, товарищ капитан? Ходят же по земле звери в облике людей! — Аллаяров слегка ударил по краю стола кулаком. — Ну разве тот, кто убил, станет дожидаться, пока его схватят? Давным-давно смылся куда-нибудь подальше.

— Может, и не смылся. — Капитан Алиев заметил его растерянность, даже испуг. Поигрывая зажигалкой, он спросил: — Что скажете?

Аллаяров снова овладел собой:

— Давно как-то мне рассказали историю. В доме одного человека пропали драгоценности жены. Он пошел и заявил об этом в милицию. Спустя месяц милиция разыскала вора. И кто же им оказался? — Аллаяров негромко хохотнул. — Он сам! На свете всякое бывает...

Капитан уловил тонкий намек. Надо отдать должное Аллаярову — хорошо держится.

— А где ваша «Победа»?

— Машина? — В глазах Аллаярова опять смятение. А голос ровный: — Она была очень старой, сдал в комиссионный магазин. Купил себе «Москвич». Тоже, правда, подержанный, но поновей.

— Какие газеты вы получаете?

— Извините, товарищ капитан, вы задаете какие-то странные вопросы... — Голос Аллаярова уже не был тихим и ровным. — Простите, на каком основании?

Капитан надавил на кнопку. Появилась секретарша.

— Пригласите Гавхар Шакирову, — распорядился капитан.

Вошла дворничиха с Чорсу.

— Товарищ Шакирова, этого человека вы где-нибудь видели?

— Да разве же я слепая?! Это тот мужчина, который пошел с Саидовой от остановки Чорсу в сторону Самаркандских ворот! Он тогда держал большой черный портфель...

— Не ошибаетесь?

— Память у меня, слава богу, не отшибло.

— И в какое время дня их видели?

— Вечером. Между восемь и девять вечера.

Капитан Алиев обратился к Аллаярову:

— У вас есть вопросы к этой женщине?

Аллаяров только слегка приподнял бровь, выражая этим, должно быть, удивление.

— Спасибо. Вы свободны.

— Что вы теперь скажете? — спросил капитан Алиев, когда та вышла.

— Ошибся, — покаянным голосом произнес Аллаяров. — Мне следовало сразу сказать правду. Поверьте, товарищ капитан, испугался я.

— Чего вы испугались?

— Сами понимаете, работа у нас тонкая — торговля... Знал я Мунис Саидову. Вернее, знал только ее имя. Мунис, Мунисхон. Она была очень милостивой женщиной. Любила наряды. Раз зашла ко мне с просьбой. Потом еще раз. Я помог ей приобрести кое-что.

— И бывала у вас дома?

— Да. Приходила раза два. Женщина эта права... Мне от вас скрывать нечего, я иногда беру в магазине что-нибудь дефицитное для знакомых. Они приходят за этими вещами ко мне домой. И Мунис была раза два... Ошибся я. Простите меня на этот раз, товарищ капитан, я больше этого никогда себе не позволю. У меня старая больная мать. Ради нее простите...

— Когда вы ее видели в последний раз?

— Дай бог памяти... Сейчас вспомню... Кажется, в начале августа.

— И что вы ей тогда дали? — спросил капитан, делая нажим на последнем слове.

— Голова, чтоб ей треснуть! Ничего в ней не держится. Извините, товарищ капитан, не помню. Если позволите, я завтра скажу, что она тогда купила. Какой позор, ох, какой позор! Вот и делай после этого кому-нибудь хорошее. Дурень я, дурень!..

— Возьмите себя в руки, гражданин Аллаяров! — резко сказал капитан. — Значит, не помните?

— Пусть покарает меня бог, если вру.

Капитан вынул из ящика стола коробочку с перстнем, положил перед ним.

— Может, теперь вспомните?

— Товарищ капитан, в нашем магазине продается только готовая одежда. Эту вещь я впервые вижу.

— Неужели?

— Поверьте, товарищ капитан, впервые вижу. Это нашли у Саидовой?

— Да.

— Вот тебе и на! Оказывается, она была не такой уж бедной! А передо мной всегда плакалась. Часто брала товар в долг...

— И вы давали?

— А что было делать? Как-то отказал, она пролила столько слез... Жалел я ее, товарищ капитан! — Аллаяров, прижав руки к груди, снова взмолился: — Виноват я, признаю свою ошибку. Черт попутал, товарищ капитан! У меня мать совсем больная, ничего не видит, пожалейте хотя бы ее!

Капитан Алиев, между прочим, это предвидел: Аллаяров признает в Саидовой только знакомую. Ну хорошо, их видели вместе. Если они были вместе даже в тот день, когда случилось несчастье, его еще нельзя обвинять в убийстве. То, что он продает товар из-под полы, к этому делу не имеет отношения. Этим займется ОБХСС. А сейчас... пока он его отпустит.

Капитан расхаживал по кабинету. Аллаяров внимательно следил за ним. Капитан остановился.

— Что же, ладно, — сказал он. — Вы свободны.

Аллаяров поспешил к двери. Но, что-то вспомнив, остановился:

— Товарищ капитан! Что подумают обо мне на работе?

— Если вы сами не расскажете, то ничего не подумают.

— Понял, товарищ капитан. Благодарю вас.

Аллаяров вышел, тихо прикрыл за собой дверь.

«Да-а, этот человек не так прост, каким хочет казаться, — подумал капитан. — А может, действительно не он?»

Алиев включил селектор.

— Лейтенант Султанов!

— Слушаю, товарищ капитан.

— Проследите, куда пойдет Аллаяров. Рузиев не появлялся?

— Нет, товарищ капитан.

— В таком случае вам еще одно поручение. Выясните, где был Аллаяров тринадцатого и четырнадцатого августа.

— Уже выяснено, товарищ капитан.

— Ну? — обрадовался Алиев.

— Тринадцатого и четырнадцатого августа Аллаярова на работе не было. Он ездил в Самарканд, товарищ капитан.

— Так-так-так... Почему не доложили сразу?

— Это выяснилось сию минуту. Его машина была задержана в Джизаке. Сообщили из автоинспекции.

— Нарушение?

— Превысил скорость.

— Благодарю. Выполняйте задание.

«Так-так-так, Аллаяров. Значит, он был в Самарканде. Следовательно, можно предположить, что перстень, который долго лежал на прилавке, куплен им. Затем подарен Саидовой. Такой дорогой подарок — за что?»

С бумагами в руках вошел в кабинет Рузиев:

— Разрешите доложить, товарищ капитан? Аллаяров родом из Ургенча. Тысяча девятьсот тридцать первого года рождения. В шестидесятом женился. Спустя два года с женой развелся. Работал буфетчиком в ресторане «Ургенч». В тысяча девятьсот шестьдесят третьем году приехал в Ташкент. Устроился работать водителем такси во втором таксопарке. Заочно учился в торговом техникуме. По окончании техникума работал продавцом. Поступил в Институт народного хозяйства, учился заочно. В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году устроился на должность товароведа. Год спустя он ездил по туристской путевке на теплоходе по Средиземноморью. В том же году он закончил институт и работал уже старшим товароведом. Под судом не был. Характеристики, данные ему при выезде за границу, безукоризненны. Находятся в его личном деле. Словом, товарищ капитан, Аллаяров чист, как кристалл.

— Как кристалл, говорите? — Алиев задумался.

— Так точно, товарищ капитан! — подтвердил Рузиев. — Если судить по личному делу...

— А сами вы как считаете?

Засветился глазок селектора.

— Слушаю, — сказал капитан.

— Товарищ капитан! — раздался голос Султанова. — Аллаяров пришел в магазин.

— Оставьте дежурного у его дома. Пусть даст знать, когда он вернется домой.

Капитан обернулся к Рузиеву:

— Товарищ Рузиев, займитесь вот чем. Надо выяснить, чем увлекалась Саидова последний год, чем более всего интересовалась — в свободное от работы время, разумеется.

— Это непросто...

— Но иного выхода нет! Знаете, о чем я сейчас думал: за что Аллаяров платил ей так дорого? Только ли за женские чары или за что-нибудь еще? Вы только вникните: если сложить ее зарплату и зарплату мужа, то и тогда невозможно будет окупить все эти драгоценности. Саидов утверждает, что не подозревал о существовании их у жены. Думаю, ему можно верить. Нам известно, что в день убийства он ушел на работу и с женой больше не виделся. Правильно?

— Да, товарищ капитан.

— А где была Саидова во второй половине дня? Об этом у нас никаких сведений нет. Аллаяров запирается. А может, и говорит правду — кто знает? Очень многое прояснится, если мы будем знать, где она чаще всего бывала, чем занималась, с кем виделась.

— На это потребуется несколько дней...

— Даю два дня. Подключите к этому делу весь аппарат. Если хотите, возьмите и Султанова.

— Ладно, — подумав, сказал Рузиев. — Как-нибудь справимся сами. Разрешите идти?

Капитан проводил старшего лейтенанта Рузиева до двери и, выглянув в приемную, позвал секретаршу:

— Мне нужны материалы Института биологии растений. В первую очередь, касающиеся последних научных исследований.

— Сейчас запрошу.

Возвратясь с обеда, капитан Алиев нашел на своем столе всевозможные брошюры по растениеводству, диаграммы, авторефераты. Усевшись поудобнее в кресло, полистал несколько работ. Ему было известно, что Научно-

исследовательский институт экспериментальной биологии растений — один из самых молодых в республике. Он также знал, правда поверхностно, об исследованиях, проводимых селекционерами и биохимиками этого института. Именно здесь был выведен новый вилтоустойчивый сорт хлопчатника, находившийся в стадии промышленного испытания. Сорт этот дает повышенный урожай. Успешно, знает Алиев, идут испытания препарата, который должен избавить растения от заболевания вилтом. И Рахим Саидов причастен к этой работе.

Среди брошюр Алиев разыскал материалы о хлопчатнике «Ташкент-1» и «Ташкент-2». О новом препарате, однако, в них не упоминалось. Впрочем, это и понятно. Эксперимент еще не завершен, и нет необходимости его разглашать.

Капитан отложил в сторону просмотренные брошюры, оставив один автореферат.

— Товарищ капитан! Аллаярлов на своем «Москвиче» едет к старому городу. Сержант Карабаев следует за ним!

Капитан вздрогнул от неожиданности. Он не слышал, когда вошел лейтенант Султанов.

— Очень хорошо.

— Еще новость! — сказал Султанов. — Перстень четырнадцатого августа приобретен Аллаярловым. Продавец самаркандского магазина опознал его по фотографии.

— Это действительно стоящая новость! — устало улыбнулся капитан. — Спасибо, Анварджан! Чек заполучили?

— Он у меня.

— Сверьте отпечатки пальцев на чеке и вот на этой коробочке. Ее только что держал в руках Аллаярлов. — Алиев протянул лейтенанту коробочку с перстнем. — Но, кроме перстня, мы располагаем еще одной уликой — вот этим обрывком газеты. Надо найти саму газету, тогда мы ухватимся, мне кажется, за конец веревочки.

— Товарищ капитан, вы полагаете, что преступник — Аллаярлов? — спросил лейтенант.

— Рано еще что-либо утверждать.

Вспыхнул глазок селектора.

— Капитан Алиев слушает.

— Товарищ капитан, сержант Карабаев докладывает. «Москвич» свернул в сторону Самаркандских ворот. Жду распоряжений.

— Сейчас приеду, следуйте за ним. Если он подъедет к дому раньше меня, задержите на некоторое время. Вы меня поняли?

— Так точно, товарищ капитан!

Капитан Алиев оставил за себя лейтенанта Султанова и спешно уехал.

Приближаясь к Самаркандским воротам, Алиев увидел, что у въезда в узкую улочку собралось до десятка машин. Он вышел из машины и зашагал вдоль тротуара, чтобы узнать, в чем дело. Поперек улочки стоял красный «Москвич», а рядом, поставив ногу на колесо, долговязый сержант Карабаев записывал что-то в блокнот.

— Что здесь происходит? — сурово спросил капитан Алиев.

— Ездит без прав, товарищ капитан! — доложил сержант Карабаев.

Узнав капитана, Аллаяров выскочил из машины, кажется обрадованный тем, что встретил знакомого начальника.

— Товарищ капитан, права случайно остались в другом костюме. Я живу здесь, рядом. Говорю ему: давай принесу, а он не пускает.

— Товарищ сержант, простите его на этот раз.

Сержант понимающе кивнул, сказал Аллаярову:

— Больше не забывайте права!

Капитан Алиев отпустил сержанта и прошел дальше. У калитки с номером 16/44 остановился. Через минуту подъехал хозяин дома...

— Гостя примете? — весело спросил капитан.

— А как же! Прошу вас, прошу!

Аллаяров торопливо выскочил из машины, открыл ворота. Однако в его бегающем взгляде капитан подметил тревогу.

Двор был небольшой. Здесь росли всего две яблони и одна старая урючина. Под деревьями зеленела чахлая люцерна вперемежку с повиликой. Сразу заметно, что двор без хозяйских рук.

Дорожка, выложенная кирпичом, упиралась в ступени террасы.

— Прошу сюда. — Аллаяров жестом пригласил гостя пройти вперед.

Они поднялись на веранду. В углу ее на тонкой курпаче сидела сморщенная и почерневшая, как головешка, старушка. Капитан даже отступил, увидев ее. Она сидела не шевелясь, будто неживая.

— Мама, у нас гость, — сказал ей Аллаяров, проходя мимо.

Капитан поздоровался.

Старуха прошамкала что-то невнятное. Аллаяров горестно пояснил, что мать не видит. Он отпер дверь в комнату.

— Что с ней? — спросил капитан, когда Аллаяров плотно прикрыл за собой дверь.

— Э, лучше вам не спрашивать, а мне не говорить! От переживаний все. Извещение о гибели моего отца на фронте иссушило и сердце, и глаза матери.

Комната была уютной. Гостиный гарнитур, ковры, хрусталь и дорогой фарфор.

Аллаяров усадил капитана в кресло.

— Выпьем чаю или?.. У меня прекрасное марочное вино, холодное как лед!

Не успел капитан ответить, Аллаяров вышел из комнаты. Вскоре он возвратился с громадным арбузом и бутылкой болгарского вина. Достал из серванта поднос и рюмки.

— Добро пожаловать! Вы почетный гость в моем доме. Ваше здоровье! — сказал хозяин и опорожнил рюмку.

Капитан отпил глоток и поставил рюмку на журнальный столик, за которым они сидели. Его взгляд задержался на книжном шкафе. На полках Флобер, Мопассан, трехтомник Чехова.

— Вижу, любите читать?

— Кто не любит интересных книг... Недавно во второй раз прочитал «Минувшие дни» Кадыри. Вот это произведение!

— Да-а, мы все так загружены, что не успеваем следить за новинками. Иной день газеты некогда просмотреть. Вы, наверное, получаете журналы, газеты?

— А как же! «Гулистан», «Правду Востока», «Вечерний Ташкент»... «Вечерний Ташкент» обязательно читаю. Недавно печатали интересное произведение. Забыл, как называется. С продолжением. Восхищаюсь я нашими чекистами! Если пользоваться аллегорией, в темноте видят вещи, которые не толще конского волоса. Приезжают из-за границы всякие туристы. Думаете, к нам одни только друзья едут? Как бы не так. А вы читали это произведение?

— Начал было. Прочел одиннадцать глав. Потом вдруг перестали носить эту газету, а на почту сходить, выяснить почему, — некогда.

— Дальше еще интереснее. Если найдете время, непременно дочитайте.

— А у вас нет ли продолжения? — осторожно осведомился капитан, пригубив рюмку.

— Есть, есть! Я обычно ни одной газеты не выбрасываю.

— Если не жалко...

— Ну что вы! Сейчас.

Аллаяров открыл нижнюю дверцу секретера и вынул подшивку:

— Это за целый месяц. Августовские номера. Начало тоже вам дать?

— Нет, не надо, начало я читал, — сказал капитан.

— Я слышал, по этой повести собираются фильм снимать. Вы не в курсе, это правда? — спросил Аллаяров, листая подшивку.

— Не слышал. Позвольте, я сам.

— Пожалуйста, — Аллаяров положил подшивку на журнальный столик.

Капитан стал не спеша переворачивать страницы: «Странно, для чего он собирает газеты?»

— Вы аккуратный, ни одного номера не потеряли.

Капитан медленно листал подшивку «Вечернего Ташкента». Восемнадцатое августа, девятнадцатое. Сердце его билось учащенно, чуть подсказывало ему, что он приближается к разгадке. Медленно, медленно перевернул страницу за 20 августа. С надеждой взглянул на следующую, — как он и ожидал, верхний угол первой страницы был оторван.

Он не сомневался — именно отсюда оторван угол газеты, найденный в сумке Мунис Саидовой. Капитан перевел дыхание — вот она, столь необходимая расследованию улика!

— Да, интересное произведение. Можно будет и фильм снять, — проговорил Алиев, внимательно рассматривая Аллаярова. — Скажите, пожалуйста...

— Что? — с готовностью отозвался Аллаяров.

— Где вы были вечером двадцать первого августа?

— Двадцать первого? Вечером? Сейчас, сейчас... Был дома, товарищ капитан. Это что, снова допрос?

— С Саидовой. Не так ли?

— В тот день я ее не видел.

— Видели, не надо лгать, — капитан приставил оторванный клочок к газете. — Вот вам доказательство,

Аллаяров. Оторванный угол газеты найден в сумке Саидовой. В него была завернута коробочка с перстнем.

У Аллаярова дрожали руки. Он стал бледным как полотно.

— Что теперь скажете?

— Товарищ капитан,— проговорил Аллаяров глухим голосом, будто ему кто-то сдавил горло.— Товарищ капитан, я сказал вам неправду. Саидова была у меня. Спрашивала, не могу ли я ей кое-что достать. Потом показала этот перстень...

— Ну и...

— Только что купила, говорит, и попросила бумаги, чтобы завернуть. На столе как раз лежала газета, и я оторвал угол.

— При вашей-то любви к газетам? Аллаяров! На чеке остались отпечатки ваших пальцев. Перстень этот вы купили в Самарканде четырнадцатого августа.

Аллаяров съежился, будто над ним занесли топор.

— Рассказывайте, Аллаяров! Что вынуждало вас делать Саидовой дорогие подарки? Только правду.

Аллаяров кивнул. Тяжело вздохнул, закрыл обеими ладонями лицо и сидел так несколько минут. Капитан терпеливо ждал.

— Хорошо, хорошо, товарищ капитан. Только история эта длинная.

— Ничего, я не спешу.

— Я ее, знаете ли, любил. Просто без ума был от нее. Ни на работе успокоиться не мог, ни дома. Все время думал о ней, отсчитывал часы, оставшиеся до нашей встречи. Она была очень красива. О такой я мечтал! Я знал, что у нее есть муж. Но разве сердцу прикажешь? Первое время, правда, старался подавить чувство к ней — ничего из этого не вышло. Всякий раз, когда мы с ней виделись, рассудок мне говорил: «Парень, не лезь на рожон, ты же только недавно поднялся на ноги». А сердце не послушалось рассудка. Не знаю, к счастью моему или несчастью, оказалось, что Мунисхон любит модно одеваться. Души не чаяла в красивых нарядах! Как только на ком-нибудь увидит новинку, сразу бежит ко мне. А я, конечно, стараюсь... Однажды у подруги увидела английскую кофту. Пришла ко мне на работу. А к нам этот товар не поступил. Я обзвонил всех своих знакомых. Оказалось — одна единственная осталась в «Тахире и Зухре». Я посадил ее в машину, и мы помчались туда. Купили... Тогда, товарищ капитан, меня и попутал черт. Высказал я ей все, что до

сих пор в сердце носил. Пригласил в ресторан — не согласилась. Уже было поздно, и она спешила домой. А выходя из машины, пообещала, что завтра позвонит...

— Это было осенью прошлого года? — уточнил капитан.

Аллаяров изумленно поглядел на него:

— Вам... откуда это известно?

— Продолжайте.

Алиев закурил.

— Да, это было в прошлом году. Осенью... — Аллаяров опустил голову. — На второй день, часов в двенадцать, Мунис позвонила. Сказала, что вечерами она всегда занята и непременно должна быть дома. Если хотите, говорит, можем вместе пообедать. Я в тот же миг помчался за ней... Мы поехали в аэропортовский ресторан. Выпили немного. Потом... на обратном пути я повернул машину в сторону Бешагача. Она это заметила и спросила, куда мы едем. Я сказал, что у себя дома хочу ее угостить кофе. Я умею хорошо готовить кофе по-турецки... Хотите, сейчас для вас сварю? Вы же, кажется, не спешите?

— Спасибо, — ответил капитан. — Не беспокойтесь. Продолжайте.

— Она не возражала. Я привез ее сюда. В эту комнату... Товарищ капитан, дальше неинтересно... Словом, после этого она каждую неделю находила часок-другой, чтобы побывать у меня.

— Вы виделись днем?

— Главным образом. Только когда муж отсутствовал, она оставалась и на ночь... — Аллаяров поморгал. — Товарищ капитан, поверьте, у меня были самые благородные намерения, я собирался на ней жениться. Неоднократно предлагал ей уйти от мужа, выйти за меня замуж. Она только смеялась. «Вам разве этого мало?» — спрашивала она. По-моему, только из тщеславия она хотела, чтобы ее мужем был известный человек, ученый. Но я надеялся, что рано или поздно уговорю ее. Я ничего для нее не жалел. Покупал ей и жемчуга, и перстни, и серьги. Хотел ее убедить, что и я чего-то стою.

— Что еще покупали?

— Ничего больше. Пусть меня бог покарает, если вру!

— В котором часу она ушла от вас двадцать первого августа?

— Сейчас... — Аллаяров задумался. — После девяти, товарищ капитан. Да, конечно, было почти десять. По телевизору как раз показывали фильм. Я включил сразу же,

когда она ушла. Правду, видно, говорят, товарищ капитан, что несчастье путается у людей под ногами. Мог же я ее задержать. Мог отвезти на своей машине. Вот, товарищ капитан, жизнь какая штука — сегодня ты есть, а завтра тебя нет...

— Какой фильм вы смотрели в тот день?

— «Война и мир». Третья серия. «Андрей Болконский».

Капитан помолчал, думая с раздражением: «Выскальзывает из рук как рыба. Неужели связывала любовь? Непохоже. Но что же все-таки кроется за этим — дарить драгоценности, потом убить? Зачем? За что он убил ее? Чего-то испугался? Чего? Испугался, что об их связи узнает муж? Но муж в таком случае с жены спрашивает».

На веранде скрипнули половицы. Аллаяров, вскочив и пинком распахнув дверь, чуть не сшиб слепую старуху.

— Опять подслушиваешь?! — крикнул со злостью Аллаяров.

Старуха беззвучно пошевелила бесцветными губами, медленно повернулась и, держась рукой за стену, пошла прочь.

— Извините, — проговорил Аллаяров, усаживаясь на свое место. — Бедняжка целыми днями одна дома, даже поговорить не с кем, когда меня нет дома.

— Где стоит ваш телевизор?

— В той комнате. Поставил, чтобы мать если не видит, то хотя бы слушала.

— Значит, говорите, в десять начался фильм?

— Да, ровно в десять. Мунисхон ушла минуты за две до этого. Я не провожал, чтобы не пропустить эту серию...

— Тому, что Саидова ушла, верю. Если бы не ушла, не случилось бы того, что случилось.

— Вот именно, товарищ капитан! Я упрашивал ее посидеть, пока фильм кончится.

— Саидову убили между одиннадцатью и двенадцатью ночи.

— Эх! — вскричал Аллаяров. — Если бы я знал! А муж ее ничего не подозревает?

— О чем?

— Ну, о том, что мы...

— Имеет ли теперь это значение?

— Вы правы. Просто я бы не хотел, чтобы у него прибавилось переживаний.

— Вы очень благородны, — не без иронии отозвался капитан и подумал: «И все же, черт побери, мы не можем тебя арестовать».

— Во сколько Саидова пришла к вам? — Капитан поднялся.

— Часов в шесть, — ответил Аллаярров.

Когда капитан Алиев выходил во двор, старуха сидела на террасе на том же месте, замерев точно изваяние. Заслышав шаги, устремила на него невидящий взгляд.

Дорога от дома Аллаяррова до Чорсу заняла десять минут.

Капитан Алиев специально прошел этот путь пешком, хотя времени у него оставалось в обрез. Отыскав в кармане завалявшуюся двухкопеечную монету, позвонил по автомату лейтенанту Султанову:

— Анвар! Свяжитесь срочно с телестудией. Узнайте, что они давали двадцать первого августа с двадцати одного часа до двадцати четырех. Сверьте с объявленной программой.

— Есть, товарищ капитан!

Обстоятельства складывались теперь так. Мунис Саидова двадцать первого августа ушла из института в половине второго. В половине шестого она была на Чорсу. С шести до десяти находилась у Аллаяррова. «Почему же она засиделась так поздно, когда дома ее ждал муж?» — задал себе вопрос капитан Алиев. И не ответил. Ладно, в десять она ушла. Допустим. Через пятнадцать минут была уже на Чорсу. Ожидала трамвай. Появляется убийца, время — пятнадцать-двадцать минут одиннадцатого. Спор, ссора. О чем спорили и что вызвало ссору? Капитан Алиев мысленно нанес на бумагу еще одну пометку. Ссора их должна была длиться более часа. Разве стояла бы она столько времени с незнакомым человеком? В половине двенадцатого произошло несчастье. И никто не видел, никто не слышал. Странно. Очень странно. Центр города. Многолюдная площадь... А здесь ли совершено убийство? Может, ее сюда привезли уже мертвую? Тогда действительно никто не слышал ее крика.

Капитан заключил, что необходимо выяснить следующее: первое — где совершено убийство, второе — причину убийства. Не оставалось сомнения, что убийца — человек, знакомый Саидовой. У кого из знакомых может возникнуть повод убить ее? Этот вопрос снова возвратил капитана к мужу покойной. А что, если Рахим Саидов обо всем дознался? Ссора, возникшая в то утро между супругами,

вполне могла произойти не из-за какого-то там перстня, а из-за ревности. И в тот вечер он мог наконец выследить ее. В этом случае несчастье могло произойти и на Чорсу. Во всяком случае, и эту сторону дела нельзя упускать из виду.

В своем кабинете он застал лейтенанта Султанова, просматривающего программу телевидения за неделю.

— Ну и как? — спросил его капитан с порога.

— Выяснил, товарищ капитан! — ответил лейтенант, поднимаясь с места. — Пожалуйста! В двадцать один час показывали тележурнал «Хозяева грядущего». Передача началась вовремя, но закончилась на пять минут позже запланированного. Затем — телевизионные новости. И без двух минут десять началась трансляция из Москвы. Интервидение передавало соревнования на первенство мира по классической борьбе из Софии.

— Что? — изумился капитан.

— На первенство мира по классической борьбе, — повторил лейтенант Султанов.

— А по программе?

— По программе был объявлен кинофильм «Война и мир». Третья серия, «Андрей Болконский». Фильм начался с опозданием — в двадцать два часа сорок четыре минуты.

— Лейтенант!

— Слушаю, товарищ капитан?

— Преступник найден!

— И кто же он, товарищ капитан?

— Аллаяров!

— Смотри-ка... — все еще с недоверием смотрел лейтенант Султанов на капитана. — А я, грешным делом, думал на Саидова...

— И я немного подозревал его.

— Прикажете арестовать?

— Не спешите, лейтенант. Подготовьте ордер на обыск в его доме. На завтра.

— Есть.

— Обыск произведем вместе. Доведите до сведения своей группы, пусть не сводят с него глаз. А сейчас я ухожу домой. Устал.

— Всего хорошего, товарищ капитан.

Капитан Алиев вышел на улицу. Жара уже спала, веял легкий ветерок.

— Куда поедет? — спросил шофер, едва капитан сел в машину.

— Домой.

Шофер с удивлением обернулся.

— Что так смотрите? — пряча улыбку, спросил капитан.

— Я не ослышался, Сабир-ака? Вот ваша жена обрадуется.

— Вы правы, давно я так рано не приезжал домой. Поужинаю сегодня с семьей.

— Я тоже, — сказал шофер.

И оба весело рассмеялись.

7

Отец и сын сидели рядом на супе и молчали. Рахима-апа принесла свежезаваренный чай.

— Мало мне было одного горя! — причитала она. — Еще и это прибавилось. Сердце кровью обливается. Ночью глаз сомкнуть не могла.

— Довольно, мать! — сказал Саид-ака. — Неси лучше завтрак, что там приготовила?

Вчера прибежала к родителям Мухаббат, обеспокоенная тем, что брат не ночевал дома. Отец велел ей передать сыну, чтобы он, как появится, пришел к ним. Рахим чуть свет и явился в родительский дом.

— Как поживают наши сваты? — спрашивал Саид-ака.

— Ничего.

Несколько минут длилось молчание. Саид-ака маленькими глотками отпивал из пиалы чай. Ему хотелось знать, что заставило сына так срочно отправиться в Коканд. Но ничего не спросил — он никогда не вмешивался во взаимоотношения сына с родителями жены. Бывало, в праздники Рахимджан уезжал с женой в Коканд. Ну, тогда понятно, тогда невестка была жива. А теперь? За одну неделю ездил туда дважды. Что-то случилось у сына. Похудел парень. Как лимон пожелтел. Конечно, такое горе кого угодно согнет в дугу. Только почему он отводит взгляд, будто отцу в глаза смотреть боится?

Но Саид-ака решил ни о чем сына не спрашивать. Если сочтет нужным, сам откроется.

— Мунис... отец, оставила мне солидное наследство...

— Какое наследство? — не понял отец.

— Золото, жемчуг... Вот. — Рахим Саидов вынул из кармана ожерелье и положил перед отцом.

Он не собирался рассказывать им правды. Хотел придумать другую причину. Но, представ перед отцом, отка-

зался от своего намерения — отцу он не мог врать. Незачем, собственно, скрывать. Родители жены знают, товарищи знают, милиция знает. Рано или поздно дойдет до отца. Решив так, он переборол стыд.

Саид-ака не притронулся к жемчугу.

— Он принадлежал Мунис. Я не покупал.

— Значит, у нее водились деньги?

— Откуда! Даже на трамвай у меня клянчила.

— Клянчила? — удивился Саид-ака. — Разве вы не держали деньги вместе?

— Свою зарплату я почти целиком отдавал ей. Себе оставлял десятку и всегда говорил ей об этом. А ее зарплату я никогда не видел и не интересовался ею.

— В таком случае она могла и сама купить.

— А вам известно, сколько это стоит? Тысячу рублей! И в милиции лежат ценности на такую же сумму.

— Какие ценности? — насторожился старик.

— Серьги, перстни! Моей зарплату, если за год собирать, и то не хватит.

— Ты хочешь сказать... у твоей жены кто-то был?

Старик не щадил самолюбия сына. Рахим сделался пунцовым.

— Ездил в Коканд, чтобы узнать...

Саид-ака несколько минут безмолвствовал, устремив острый взгляд на мерцающий перед ним клубок жемчуга.

— Ты плохо поступил, сынок. Зачем ездил к сватам? У них и так горя хватает! Разве нельзя было с нами посоветоваться?

Рахим оправдывался. Он поехал, чтобы узнать, не дарили ли ей родители эти драгоценности. Но Саид-ака возразил: все равно это нехорошо. Рахим сейчас понимал — отец прав. Он не должен был травмировать стариков. Разве они велели дочери ступить на стезю позора? Как ни верти, а виноват он один, Рахим Саидов. Его передернуло от неприязни к самому себе.

Мать на большом глиняном блюде принесла плов.

— Вчера мы с отцом и глотка чаю не могли сделать. Хороший сын так не поступает. Мог бы сестре сказать, где останешься... — Вдруг она увидела жемчуг: — Что это?

— Добро твоей невестки, — буркнул Саид-ака.

— Это же жемчуг.

Рахима-апа опустила блюдо на хантахту и взяла ожерелье в ладони.

— Я ни разу не видела на ней его. Недавно купил?

Рахим взглянул на отца. Тот еле приметно кивнул.

— Да, — ответил Рахим.

— Не судьба была бедняжке его носить. А красивый-то какой... — запричитала мать.

— Ну-ка, Рахим, принимайся за еду, остынет, — сказал отец, сменив разговор. — Со вчерашнего дня небось голодный? Бери, бери, сынок.

Рахим был благодарен отцу. Он потянулся за пловом. Впервые за последние дни он почувствовал голод и стал есть с аппетитом. Ему нравилось, как готовила мать. Она была отличной стряпухой. Каждое ее блюдо имело свой неповторимый вкус. Когда Рахим поел, отец спросил:

— Сейчас на работу? Пойдем вместе.

— А вы куда? — удивилась Рахима-апа, увидев, что и Саид-ака поднялся.

— Схожу-ка на свой комбинат...

— Про путевку узнайте, — наставляла Рахима-апа.

Саид-ака у калитки, пропуская сына вперед, спросил:

— Что думаешь делать, сынок?

Рахим пожал плечами.

— Работать надо, сынок, за работой человек забывается. А того... преступника... его и без тебя разыщут. Ты меня понял?

— Понял, отец.

Он радовался тому, что отец рядом и что говорит с ним ласково. Хорошо, что они есть у него, мать и отец. Около них становится легче на сердце.

Рахим поехал на работу немного успокоенный. В воротах института встретил директорскую машину.

Сулейман-ака открыл дверцу:

— Вызывают в ЦК. — Лицо его было строгое. — Препаратом интересуются.

— И что вы скажете?

— Что скажу? Скажу, что через неделю будет готов.

— Недели хватит, — сказал Рахим Саидов, подумав.

— Ну, вот и хорошо. Прошу, Рахимджан, ты, пожалуйста, лично проследи. — Сулейман-ака с доброй улыбкой похлопал Рахима по руке. — Тебе лучше находиться в институте, в своем коллективе. Ну ладно, я поехал.

На проверку воздействия препарата на вилт в тепличных и естественных условиях ушло более года. Эксперименты все еще не закончились. Но уже вступили в завершающую стадию. Несчастье выбило Рахима из колеи. Хорошо, что есть Хафиз — золотые у него руки! Рахим Саидов последние испытания и лабораторные опыты переложил на него. И вот — результаты. Кажется, обнадежива-

ющие. Не случись беды, Рахиму, может, уже удалось бы завершить работу.

Едва он открыл дверь лаборатории, навстречу бросился Хафиз:

— Так скоро вернулся? Мог бы погостить в Коканде еще пару дней.

Рахим в первый раз за эти дни улыбнулся:

— Истосковался по работе.

— Могу обрадовать, нам выделили отдельный цех,— сообщил Хафиз.

— За неделю управимся?

— Если ты подключишься.

— Считай, уже подключился,— в тон другу ответил Рахим.

— А знаешь, как мы назвали препарат? «И-109-С». «И» — институт, «109» — номер изготовленного институтом препарата. Что такое «С», как думаешь?

— Что такое «С»? — переспросил Рахим.

— Саидов,— сказал Хафиз, не без гордости взглянув на друга. — Сулейман-ака сам предложил. Звучит?

Рахим смутился. Роль его в создании препарата, конечно, была немалая. Но работал-то весь коллектив. И сам Сулейман-ака сколько сил вложил в это дело!

— Нужно придумать название, в котором отразилось бы лицо всего нашего коллектива.

— «И-109» и есть лицо нашего коллектива,— сказал Хафиз.— Знаешь, и у скромности тоже должны быть границы.

Конечно, Рахим Саидов был рад.

Столько было им вложено в эту работу — веры и сомнений, успеха и неудач, времени своего и своих друзей. Никогда не угадаешь, что ждет тебя через пять минут. Еще вчера, когда он мчался в Коканд, жизнь казалась конечной. Сегодня жизнь продолжается. Все горести и обиды — пройдет время — исчезнут совсем. Так оно и должно быть. Иначе жить стало бы невозможно. Нужно только приложить максимум усилий, чтобы его всецело поглотила работа, и тогда он вновь попадет в объятия жизни, полной добра и надежд.

Хафиз расценил по-своему задумчивость друга.

— Ну а как твои личные дела? Все выяснил? — спросил он.

Рахим вздрогнул. Помедлив, ответил:

— А-а... Ничего хорошего.

Он вспомнил про лежавший в кармане жемчуг. «Зачем я ношу его с собой? Следовало бы оставить дома», — подумал он. И опять его чувства раздвоились. Он вышел из лаборатории и направился в свой кабинет. Сел в кресло, закрыл глаза. Заставил себя успокоиться, придвинул кресло к столу, заваленному схемами, таблицами, справками, которые он должен был просмотреть. Он так увлекся, что забыл про обед.

После перерыва зашел Хафиз.

— Рахим, дружище, — сказал он, с сочувствием глядя на приятеля. — Ступай прогуляйся по улице. Паровоз и тот постепенно набирает скорость, а ты хочешь сразу... Иди-иди. Вечером зайду за тобой. Давненько ты не был у меня в гостях. Закажем Вазире что-нибудь вкусненькое. Ашот приехал из Еревана. Отличный парень, веселый такой, на гитаре играет, поет. Посидим вместе, потолкуем. Ну как, договорились?

Рахим устало кивнул.

Саидов шел по улице и чувствовал, как этот проклятый жемчуг оттягивает карман. Он подошел к остановке. Но не сел в подкативший трамвай. Второй тоже пропустил. Решил идти пешком. Рабочий день еще не кончился, и на улицах было не очень людно. Только шумной лавиной неслись по дороге машины. Он долго стоял у одного из перекрестков и, наконец, как бы решившись, шагнул к переходу. Едва его не задев, заскрежетала тормозами машина. Водитель высунулся из кабины, крепко выругался.

Рахим Саидов дождался зеленого света. Надо же, чуть под машину не угодил. Рассеянный стал. Этот случай ему напомнил другой, происшедший недавно. Тогда он испугался куда больше, чем сейчас...

Они, кажется, были на свадьбе. Хотя нет, они возвращались от Фариды. Подруга Мунис отмечала день рождения одного из своих детей. Засиделись допоздна. Рахим был не в духе, но старался скрыть это от жены. Веселая компания, магнитофонные записи не улучшили его настроения, а наоборот...

Несколько дней назад они с Мунис повздорили. Жена уложила в чемодан вещи и отправилась в Коканд. Спустя неделю Рахим поехал следом и уговорил ее вернуться. Они помирились. Но неприятный осадок в сердце Рахима остался. И, видя добрые взаимоотношения Фариды и ее мужа, он им по-хорошему позавидовал. И совсем погруз-

нел. А Мунисхон шутила, весело смеялась, была радостной...

На мужа Мунис в тот вечер не обращала внимания. Когда Фарида стала подавать на стол, она пошла на кухню, помогать хозяйке, но тотчас вернулась — видно, подруга спросила, почему Рахим не в настроении, — и, склонившись к мужу, прошептала:

— Что ты такой угрюмый сегодня?

Рахим гневно взглянул на жену, но сдержался, не сказал ни слова. Не хватало еще у людей скандалить...

И еще припомнил Рахим.

Мухаббат, сестра Рахима, тоже любила принарядиться. Однажды она попросила у Мунис ее черную шерстяную юбку. Мунис не только дала ей юбку, но и ушила, подогнала ее Мухаббат по фигуре. Узнав, что Мухаббат собирается пойти на студенческий вечер, Мунис предложила ей надеть свои черные лаковые туфли. Мухаббат расцеловала Мунис и радостная выбежала из дому.

На второй день, возвратившись с работы, Рахим застал жену уныло сидящую перед трюмо. На ней была та самая черная юбка.

— Что случилось? — спросил Рахим.

Мунис не ответила.

— Ты здорова? — встревожился он.

И Мунис заговорила:

— Вы только о здоровье печетесь, на все остальное вам наплевать!

— Здоровье — наиглавнейшее в жизни, — попытался он отшутиться.

— Ваша сестра испортила мне юбку. Чтоб ей пусто было! Я еще не видела своих туфель. Бог весть, в каком они виде!

— И из-за этого ты расстроилась? — засмеялся Рахим, хотя грубый выпад в адрес сестры его задел.

— А как же не расстраиваться? — вспыхнула Мунисхон. — За целый год едва-едва одно платье могу купить. Ваш заработок целиком уплывает к вашим родителям. Вчера пришла мать и снова одолжила денег! — кричала она.

— Всего десятку взяла, не хватило денег на базар. Не ехать же из-за десятки домой. А когда мы еще им давали деньги?

— Бросьте, думаете, я слепая, ничего не понимаю? Всегда втайне от меня вы отдаете им деньги!

— Ты же знаешь, сколько я получаю! — стал раздражаться и Рахим. — Все до копейки отдаю тебе. Зачем же лгать!

— Вот как! Я, значит, лгуныя. А ваша сестра, которая взяла мои любимые туфли на один день и не несет, она говорит одну правду! А мать — та прямо настоящая святоша! Только я одна плохая. Лучше бы мне умереть, чем стать вашей женой!

В такие минуты Муниسخон уже нельзя было ни остановить, ни успокоить. Правду она путала с неправдой, добрые слова с обидными. Рахим пытался защитить сестру и мать. Она, стараясь его перекричать, стала ругать их, как только умела. Затем наступила развязка, ибо у всякой ссоры бывает конец. Муниسخон побросала в чемодан вещи и отправилась в Коканд, в той самой черной юбке.

Вот что припомнил Рахим, находясь в гостях у Фариды. Домой возвращались поздно. Всю дорогу Мунис отчитывала мужа:

— Вы заставили меня краснеть! Неужели хоть в гостях нельзя вести себя по-человечески! Развесили губы, ни с кем ни слова...

— Я весь вечер думал о своей женушке, какая она у меня прекрасная! — ответил в тон ей Рахим.

— У-ух, скорпион! — процедила Мунис сквозь зубы и побежала через дорогу.

Ни Мунис, ни Рахим не заметили машину. В этот поздний час они обычно мчатся на предельной скорости. Машина резко развернулась, заскрежетала тормозами и, едва не опрокинувшись, остановилась, задев крылом руку Мунис.

— Надо смотреть по сторонам, апа! — крикнул шофер.

Рахим подбежал к жене, обнял ее, нервно глядя плечи, голову, руки:

— Не больно?

— Нет, — с трудом выговорила Мунис, прижавшись лбом к его груди. — Чуть сердце не выскочило от страха. — И улыбнулась, глядя в глаза мужу.

— Это тебе наука. Не будешь понапрасну кипятиться, — сказал Рахим и, тоже улыбнувшись, прижал к губам ее теплую ладонь.

Улица вывела Рахима к скверу Революции. Он любил этот сквер, большой, тенистый. Еще в былые годы, будучи студентом, бродил он по этим аллеям, посыпанным крас-

новатым песком, над которыми простирают гигантские кроны старые чинары. Подолгу сидел на скамье, строя планы на будущее, или следил за полетом падающих звезд. Ему кто-то говорил: когда падает звезда, то умирает человек. Одни звезды сгорали ярко, ослепительно, и путь их светился еще несколько секунд. Другие вспыхивали еле заметно и тут же гасли.

Вот здесь он однажды обнял Мунис и целовал ее мерцающие в темноте глаза, горячие податливые губы... Они встречались в этом тенистом уголке. Он приходил много раньше срока и ждал ее. Однажды она задержалась. Он прождал ее час. Огорченный, обеспокоенный, он решил поехать к ней в общежитие. И в это время в конце аллеи показалась Мунис. Обняв ее, он почувствовал, как сильно бьется ее сердце. Она с трудом переводила дыхание.

— Я так спешила... — еле выговорила она, прижимаясь лицом к его груди. — Уже вышла из общежития, а навстречу — отец! Устроила его в гостинице, и сразу — к вам. Спасибо, что дождались, — и она нежно погладила кончиками пальцев его брови.

Да, она была прекрасным человеком тогда. Ласковая, нежная, внимательная. Любящая. Она очень любила Рахима. В тот вечер она была в белых туфлях и в легком платье без рукавов. Волосы были гладко зачесаны, а сзади закручена в узел толстая тяжелая коса...

Странно, почему люди после женитьбы часто меняются, становятся другими? В чем причина? Сам он, конечно, остался прежним. Только возмужал, стал серьезнее. Да и забот прибавилось. А Мунис будто подменили. Кто знает, может, она и раньше была такой, да только он, Рахим, влюбленный в нее по уши, ничего не замечал?

Рахим обошел сквер, облюбовал одну из скамеек, сел. Здесь было тихо и прохладно. Он закурил и откинулся на спинку скамьи, раскинув руки. Поодаль, за площадкой, где возвышался памятник Карлу Марксу, промелькнуло знакомое лицо. Он всмотрелся. Это была девушка-официантка, составившая ему однажды компанию. Ему захотелось опять зайти в кафе. Он встал, но тут же раздумал. О чем он будет разговаривать с этой молоденькой девушкой?

К памятнику вышла высокая женщина. Приезжая — понял он. Женщина с интересом разглядывала памятник. У нее светлые волосы, коротко острижены. Через плечо висит пухлая коричневая сумка. Короткое, плотно облегающее ее стройную фигуру зеленое платье подчеркивало

белизну ее незагорелых ног. Наверное, откуда-то с севера, где солнце скупо. Рахим смотрел, бессознательно любуясь ею. Женщина вышла на аллею, она шла прямо на него. Она кого-то ему напоминала. Кто же она? Женщина почувствовала его взгляд и обернулась. Посмотрела, слегка щурясь, и вдруг вскрикнула:

— Рахим!

— Света! — вскочил с места Саидов.

— Рахим, дорогой! — ринулась к нему женщина.

— Света! Неужели ты?

— Я, Рахим, я! Здравствуй! Как я рада!..

— Садись.

Рахим усадил ее на скамью, сел рядом.

— Я не думала, что когда-нибудь встречу тебя.

— Ты давно в Ташкенте? Что тут делаешь?

— Третий день как приехала. Сегодня решила осмотреть город... Ташкент очень изменился.

— Да, трудно узнать. А как ты живешь? Как папа, брат? — Рахим не сводил с нее глаз и не скрывал, что любит ее.

— Папа вышел на пенсию. Мы теперь живем в Москве. И у Володи все хорошо устроилось. Только он далеко от нас.

— Где же?

— Он геофизик. И занесло его в Антарктиду.

— Ого! Это действительно далеко!

— Скоро уже приедет... Рахим, Рахим! Мы тебя так часто вспоминаем. Как ты живешь?

— Спасибо, ничего... — Рахиму не хотелось рассказывать ей о том, что произошло. — Володя женился?

— Да, у него уже двое детей.

— А ты? Ты не замужем?

— Я замужем... — Светлана сказала это легко, но опустила глаза, и легкий румянец выступил на ее щеках. — Муж... Саша, летчик. Он тоже в Ташкенте. Его командировали, и я увязалась за ним. Меня все время тянет в Ташкент, в город юности...

— Это хорошо.

— Я упросила Сашу остановиться не в гостинице, а у кого-нибудь на той улице, где мы жили... Слышала, Рахим, что тебе пришлось перенести большое горе.

— Да, — вздохнул Саидов.

— Любил ее?

— Да. Очень.

Рахим не кривил душой. Он действительно любил Мунис. Жизнь без нее для него с самого начала была бы бессмысленной, бесцветной. Он сказал Свете правду и вдруг почувствовал, что на душе полегчало. Мысли прояснились. Нет, ничто не омрачит память о Мунис, он сейчас это понял. Он любит Мунис. И будет помнить все самое лучшее, что связано с ней. Все остальное перечеркнет, выбросит из наболевшего сердца. И, чтобы пришедшая в эту секунду мысль утвердилась, он добавил:

— Она была очень славной... моя Мунис.

— Слышала. Твои соседи рассказывали мне, как она по вечерам выходила за калитку и ждала тебя. Бежала навстречу, увидев тебя вдалеке.

Было ли это? Рахим силился вспомнить. Было. Они тогда жили в старом доме. И в самом деле, он, выходя из трамвая, видел Мунис у калитки. Она взмахнет приветливо рукой и бежит навстречу. Берет под руку и трется щекой о его плечо. Так они вместе шли к дому. Она старалась шагать с ним в ногу и весело смеялась, когда ей это не удавалось.

— Ты ждешь кого-нибудь здесь? — спросила Света, нарушив течение его мыслей.

— Отдыхаю, — улыбнулся Рахим.

— Молодой ученый весь в творческих поисках...

— Может, и не совсем в творческих, но ты угадала — в поисках... Света, ты с мужем... Как, ты сказала, его зовут?

— Саша.

— Ты с ним приходи к нам. Сейчас напишу адрес.

— Ты тоже запиши мой, — сказала Света и легонько вздохнула. — Хотя бесполезно давать тебе адрес.

— Почему же? — спросил Рахим, уловив в ее интонации упрек за его давнюю-давнюю вину, когда не ответил на ее письмо.

— Все равно ты поленишься написать, — сказала Света. — Ты получил тогда мою фотографию?

— Да, конечно. Ты была такая красивая...

— А сейчас? — улыбнулась Света. — Уже не красивая?

— Сейчас ты и вовсе расцвела.

Она рассмеялась.

— А все-таки почему ты тогда мне не ответил? Я очень ждала.

Рахима смутил ее прямой вопрос. Он опустил голову:

— Я долго берег твою фотографию.

— А потом твоя жена порвала ее. Не правда ли?

Рахим поспешил переменить тему разговора.

— Вы придете? — спросил он.

Света испытующе посмотрела на него.

— Когда-нибудь в другой раз, — сказала она. — Саша часто летает сюда... Ну, я пойду. — Света поднялась.

— Спешешь?

— Мы условились встретиться с Сашей. Если хочешь, идем, познакомлю вас.

— В другой раз. Передай привет.

— Спасибо. Прощай. Не грусти, Рахим... И... не забывай, хорошо?

— Прощай, — сказал он, чуть-чуть задержав ее ладонь в своей.

Он все стоял и смотрел вслед Светлане, пока она не потерялась в толпе. Увидел у себя в руке авторучку. За чем-то он ее вынул? Ах да, они же хотели обменяться адресами. Кляня себя, он помчался в ту сторону, куда ушла Света. Но ее уже нигде не было.

Через полчаса Рахим вошел в магазин «Гюльчехра». За прилавком стояла девушка. Заметив, что он кого-то ищет, заинтересовалась — кого.

— Анатолия Назаровича, — решительно сказал Рахим и почувствовал, как кровь прилила к лицу.

— Его сейчас нет.

— А будет сегодня?

— Нет. Он бывает в первой половине дня.

Рахим растерялся. Не знал, что предпринять. Наконец догадался спросить адрес.

«Надо пойти, — решил он. — Пойти и вернуть ему». Этим он намеревался положить конец всему дурному, что порочило имя Мунис. Он верил, что тогда в его сердце останется лишь та Мунис, которую он любил.

Только надо сперва забежать домой. Может, еще что-нибудь завалилось чужое. Он соберет все, избавится от всего постыдного сразу. Сегодня же. Этот Анатолий... «А вдруг не он, не Анатолий Назарович? — обожгла мысль. — Вдруг кто-то другой?» Впрочем, это неважно: этот или другой, похожий на него. Важно отделаться от этих дорогих вещей.

Мухаббат дома не оказалось, чему Рахим обрадовался. Он распахнул дверцы шкафа. Все вещи были аккуратно сложены. Сестренка постаралась. Но придется опять все перевероршить. Он переложил вещи на кровать. Выдвинул все ящики, проверил их содержимое. Но ничего больше не

находилось. Перебрал всякую мелочь в ящичках трюмо, и там ничего нового не оказалось.

Закрывая шкаф, он оглянулся. Ему показалось, что позади него стоит Мунис и смотрится в трюмо. Но нет. Никогда не будет больше Мунис глядеться в зеркало. И не будет никогда больше ссор, не будет жарких поцелуев. Теперь он будет один входить в опустевший дом. С годами он будет стареть, а она навечно останется молодой, такой, какой он ее помнит.

Рахим, тяжело ступая, направился к выходу.

Спешить ему было незачем, он решил отправиться пешком. По пути можно будет еще о многом подумать. Проходя мимо Театра эстрады, он свернул на аллею Поэтов, сел на скамью. Здесь на высоких постаментах стояли бюсты великих русских и узбекских поэтов. Рахиму вспомнились стихи, ставшие теперь уже песней:

Можно ли розу оценить,
Шипами не исколовшую тебя?
Можно ли деву полюбить,
Ожиданьем не томившую тебя?

Кажется, это Навои.

На площадь Чорсу выходят три улицы. Та, что посредине,— Самаркандские ворота. Рахим обогнул площадь и вошел в эту узкую улочку. Он был совершенно спокоен. Ему самому это показалось немного странным, но он не мог бы объяснить, что именно его успокоило. Он не был рассеянным, как утром, мысли не путались, голова была ясной.

Вскоре по правой стороне улицы он увидел голубые ворота, о которых ему толковала продавщица в магазине. И на них нужный номер. Рахим шагнул к калитке и надавил кнопку звонка. Никто не отозвался. Постоял минуту и опять позвонил. Из глубины двора донесся недовольный мужской голос: «Сейчас!»

Калитка отворилась, и перед Рахимом предстал горбоносый мужчина в сетчатой майке, в наброшенном на плечи халате. Под майкой чернели густые волосы. Взгляд был настороженный, бегающий. «Смахивает на индюка. Мунис была права»,— подумал Рахим.

— Входите,— не очень гостеприимно пригласил хозяин.

— Я Саидов,— представился Рахим.— Муж Мунисхон.

И заметил, что Аллаярлов побледнел. Взгляд его сделался жестким, даже хищным, но он тут же посторонился и пропустил незваного гостя.

— Заочно мы знакомы, кажется, — сказал Рахим.

— Да... слышал о вас.

Рахим стоял, рассматривая человека, которого ненавидел, которого будет ненавидеть всю жизнь. «Ударить? Или плюнуть?» — размышлял он. Но не сделал ни того, ни другого. А вытащил из кармана полную пригоршню жемчуга и сунул Аллаярову в руки:

— Берите, еще может понадобится. Остальное милиция вернет.

Аллаярлов залепетал что-то, но Рахим не расслышал. Он скорым, размашистым шагом удалялся прочь.

Вот и все. До чего же просто! И грязные вещи, и грязные мысли он оставил хозяину голубых ворот.

Он вышел к Чорсу. Постоял, раздумывая, куда пойти. Решил отправиться домой — Мухаббат небось ждет его, беспокоится. Чего доброго, помчится опять к родителям, переполошит их.

К остановке подходил трамвай. Он бросился через улицу, чтобы успеть на него. Слева что-то заскрежетало. Он ощутил сильный толчок в плечо, и... сразу ничего не стало. Все вокруг потемнело.

8

Алиев спал на кушетке у раскрытого окна. Его разбудил какой-то странный шелестящий шум. Он приподнялся на локте, в лицо повеяло влажной прохладой. Листья вьющегося по жердочкам винограда трепетали, как крылья разом взметнувшейся голубиной стаи. Через несколько секунд часто-часто забарабанило по железной крыше.

— Что это? — недоуменно спросил Алиев.

Санобар, спавшая лицом к стене, потянулась, сказала недовольно:

— Я в милиции не работаю, — и, подложив под щеку ладони, смешно почмокала губами.

Алиев промолчал. Скажи только слово — до утра не перестанет пилить. С тех пор как он отложил свой отпуск, ни одного доброго слова от нее не слышал. Что поделаешь, на работе начальник он, а дома — жена. Вот и приходится быть тише воды ниже травы.

Из водосточной трубы полилась вода.

— Дождь! — сказал Алиев. — Хорошо, что во дворе не легли спать.

— Что? — Санобар приподняла голову, сiallyсь разомкнуть веки.

— Дождь идет.

— Ой! — спохватилась Санобар. — У меня же белье развешано! От летнего дождя пятна аж до зимы не отходят! Не могли раньше разбудить? Случись что-нибудь в вашей милиции, не разлеживались бы! Помчались бы сейчас!

Алиев рассмеялся, следом за женой вышел во двор. Стал помогать Санобар снимать белье. Теплые капли, будто роса, падали на лицо, на плечи.

Алиев внес в комнату целую охапку волглого, пахнувшего свежестью белья. В этот момент зазвонил телефон. Капитан бросил белье на кушетку и схватил трубку:

— Слушаю!

— Извините, товарищ капитан. — Он узнал голос лейтенанта Султанова. — Рахима Саидова вчера вечером сбила машина.

— Жив? — быстро спросил Алиев.

— Жив. Легкое сотрясение... И, кажется, сломано ребро.

— Что значит «кажется»? — рассердился капитан, он терпеть не мог, когда подчиненные говорили приблизительно.

— Одно ребро, — поправился Султанов. — Он только что пришел в себя. Спит. Я разговаривал с врачами. Для беспокойства нет оснований, товарищ капитан.

— Пришлите машину. Сейчас приеду.

Алиев положил трубку. Санобар, которая слышала разговор, сказала:

— А я уж думать начала — что это телефон молчит, не испортился ли?

Алиев начал торопливо одеваться.

— Мужа той убитой женщины сбила машина.

— Что за напасть на эту семью!

Прибыв в отделение, капитан немедленно вызвал к себе лейтенанта Султанова:

— Шофер задержан?

— Он и не скрывался, товарищ капитан. Сам доставил пострадавшего в больницу. По свидетельству инспектора ГАИ, виноват Саидов. Водитель ему сигнализировал. Тот, видно, не услышал. Водитель утверждает, что Саидов намеренно шагнул под машину. Небезынтересен факт, товарищ ка-

питан, что и это несчастье произошло на том самом месте — на Чорсу.

— На Чорсу? — удивился капитан.

— Да, Саидов ходил к Аллаярову.

— Что он, спятил, этот Саидов?! — разозлился капитан. — Он нам все дело испортит! Аллаяров дома?

— Вероятно, дома. Карабаев ведет наблюдение.

— Вы свободны.

Султанов вышел. Капитан протянул было руку к кнопке, но вспомнил, что в отделении еще никого нет. Рано. Он запер кабинет, спустился вниз. «Что его заставило пойти к Аллаярову? — гадал капитан. — Зачем? И как он оказался под машиной? Случайно или хотел уйти из жизни? А может, его мучает совесть?..»

Нет, он решительно не хотел, чтобы Саидов оказался убийцей жены. Но кто знает... Производит впечатление положительного человека. Хотя всякое бывает. У человека на лбу не написано — хорош или плох он. За пятнадцать лет работы в Алиеве словно выработался некий внутренний компас, стрелка которого функционировала пока безошибочно. Аллаярова, например, Алиев в глаза еще не видел, только слышал о нем — и одно хорошее, кстати, а сразу же к нему зародилось подозрение. Конечно, интуиция интуицией, а всякие предположения требуют фактов и проверок, нельзя доверять одной интуиции. И все-таки Рахим Саидов не похож на преступника, хотя нельзя сказать, что он совсем не виноват. Капитан Алиев много раз ставил себя на место Саидова и, уподобясь искусному шахматисту, проделывал наиболее рациональные «ходы». Трудно представить, что поступки Мунис, которые должны были его насторожить, оставались не замеченными Рахимом. Или он не придавал им значения и, замкнувшись в кругу научных интересов, был абсолютно безразличен к ее жизни, не вмешивался в ее дела. Находясь под одной крышей, они жили врозь, каждый сам по себе... Выходит, и Саидов виновен косвенно.

Капитан сел в машину.

— Куда поедет? — спросил шофер, прикрывая рукой зевок.

— К Самаркандским воротам.

Около дома Аллаярова толпились махаллинцы. «Ничего не скроешь от внимания любопытных», — с досадой подумал капитан. Едва он вышел из машины, к нему подошел сержант Карабаев, отдал честь.

— Почему собрались люди? — строго спросил капитан.

Сержант развел руками, как бы говоря — что поделаешь? И зашпешил за Алиевым, направившимся к голубым воротам Аллаярова.

— Товарищ капитан, в чем дело? Зачем обижаете хорошего человека? — крикнули из толпы. — Или милиция всегда ищет себе работу?

Алиев остановился. Хотелось ответить как надо, но он подавил в себе гнев. Лишь тихо сказал сержанту, чтобы все разошлись. Во дворе его ждали двое сотрудников. Алиев кивнул им и поднялся на веранду. В углу на курпаче, как и в первый раз, устремив куда-то в пространство тусклые глаза, сидела мать Аллаярова. Голова ее была покрыта белым кисейным платком, в дрожащих пальцах она держала четки. Ее сморщенные губы еле приметно шевелились, будто она про себя читала молитву. Старуха походила на колдунью.

— Товарищ капитан! Что все это значит?! — появился Аллаяров в дверях. — Вчера какой-то психопат, наорав на меня, сунул в руки целую горсть жемчуга, а сегодня вы являетесь с обыском! Я требую объяснения, товарищ капитан! Я буду жаловаться!

— Вы разве испугались? — полушутливо спросил капитан.

— Мне нечего пугаться, но особого удовольствия от этого тоже не испытываю! Ни свет ни заря врывается в дом...

— Правильно, — согласился Алиев. — Но другого выхода нет, и вам придется потерпеть.

— Бог велел терпеть святому Тулаходже...

Капитан обернулся на голос старухи. Подождал, не скажет ли она что-нибудь еще. Опершись руками о курпачу, та медленно поднялась, взяла палку, прислоненную к перилам, и на ощупь стала спускаться по ступенькам во двор.

— Трудно бедняжке, — вздохнув, произнес Аллаяров.

— Помогите ей! — сказал капитан одному из милиционеров.

Но старуха жестом отстранила подскочивших к ней на помощь людей. Постукивая палкой, она дошла до калитки, затем свернула влево и пошла вдоль забора. Дойдя до полузасохшей урючины, уперлась в нее руками и стала медленно опускаться на корточки.

— Мама! — закричал не своим голосом Аллаяров и метнулся было к старухе.

Но капитан Алиев удержал его за локоть.

— Оставайтесь здесь! — сказал он.

Аллаяров, будто смертельно уставший человек, прислонился к столбу веранды и прикрыл глаза.

Старуха руками разгребла под деревом рыхлую землю и, отыскав что-то, поднялась. Медленно пошла обратно.

В руках она держала длинный нож, выпачканный в глине.

— Что ты наделала, мама! — простонал Аллаяров, закрыв лицо руками.

— То, что мне велел бог.

Старуха бросила нож на пол. Постукивая палкой, прошла мимо сына, села опять на свое место и снова замерла как истукан. Пораженный случившимся, Алиев безмолвно смотрел на нее. В ее неподвижных глазах он увидел слезы.

— За что убили? — спросил он в упор Аллаярова.

Тот поднял голову. В его лице не было ни кровинки.

— Я любил ее... — еле слышно пролепетал он.

Брови Алиева поползли кверху, но он сдержал усмешку.

— Да, я любил ее, — повторил Аллаяров и опустил голову. — Я ничего не жалел для нее... А она сказала, что не хочет больше меня видеть...

— И за это вы...

Аллаяров медленно покачал из стороны в сторону склоненной головой:

— Мы поссорились. Я сгоряча сказал, что убью ее Саидова, если она не уйдет от него. Если сам не смогу, найду таких, кто сможет! — торопливо говорил Аллаяров, брызгая слюной, постепенно повышая голос, переходя на визг. — А она... Она назвала меня вором! Сказала, что все в моем доме краденое! Сказала, что заявит на меня... А для кого же я все это?.. Для нее старался...

— Для нее... еще до того, как ее узнали? — усмехнулся Алиев.

Подошли двое милиционеров.

— Уведите! — приказал Алиев.

— Товарищ капитан! Я все расскажу! Все! Чистосердечно! Прошу это принять во внимание! — выкрикивал Аллаяров. Он пытался вырваться из рук взявших его с двух сторон милиционеров. — Вы меня слышите, товарищ капитан?

— Вам ничего другого не остается, — сказал Алиев.

Арестованного увели.

Из дому вышли лейтенант Султанов и председатель махаллинской комиссии Кадыров.

— Закончили? — осведомился капитан.

— Какое там! — с раздражением бросил лейтенант. — Только на опись найденных вещей потребуется дня два.

Алиев зажег сигарету и с наслаждением затянулся.

— Что ж, в таком случае продолжайте, — сказал он лейтенанту. — А я поехал.

Капитан дошел до ворот и, как бы что-то вспомнив, резко остановился. Он возвратился на веранду и подошел к старухе:

— Спасибо, мать. Вы очень помогли нам.

Ни один мускул не дрогнул на лице старой женщины. Устремив взгляд в пространство, она оставалась неподвижной — будто не слышала, что ей сказали. По щекам, теряясь в глубоких морщинах, катились слезы.

Алиев поехал в ТашМИ. Молоденькая медсестра, провозжая его до палаты, где лежал Рахим Саидов, осторожно спросила:

— А кто этот человек, товарищ капитан? С раннего утра к нему идут посетители.

— О, это очень большой человек, — с улыбкой ответил Алиев.

Лицо медсестры тут же приняло строгий вид.

Койка Рахима стояла у окна. Голова его была забинтована, ссадины на лице смазаны йодом. Узнав капитана, он хотел приподняться.

— Лежите, лежите! Как ваше самочувствие, Шерлок Холмс?

Рахим улыбнулся одними только глазами, еле слышно проговорил:

— Я отнес... Все вернул.

— Знаю, — сказал капитан. — И хорошо поступили.

— Он?

Алиев кивнул.

— За что?

— Хотела все начать заново.

— Что? — не понял Рахим Саидов.

— Жизнь начать заново...

— Почему? В чем она виновата-то?..

— Очевидно, они хотели втянуть ее в свои грязные делишки... Подарки — это был задаток... Она отказалась... Это все и решило...

Рахим закрыл глаза и долго молчал:

— Кто они? Их много?

— Главный в наших руках. От него потянется ниточка. Дверь приоткрылась, в палату заглянула медсестра. Капитан вспомнил просьбу врача — не утомлять больного. Он поднялся.

— Товарищ капитан, — обратился к нему Рахим. — Шофер не виноват. Я сам... по рассеянности...

— Мы учтем, — пообещал Алиев. — Других просьб нет? Рахим отрицательно покачал головой. И еле слышно сказал: —

— Благодарю вас.

Алиев дружески улыбнулся, осторожно пожал ему руку и вышел из палаты.